

ВАЛЕРИЙ ПУШНОЙ

**ОПАСНАЯ
СЕДИНА МОНЕТ**

Смертельные грани

Валерий Пушной

Опасная седина монет

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2021

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Пушной В. А.

Опасная седина монет / В. А. Пушной — Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ", 2021 — (Смертельные грани)

ISBN 978-5-00025-247-5

Коллекция древних монет притягивает каждого, кто узнаёт о ней. Ее стоимость баснословна. А потому каждый хочет завладеть ею. Но не всякому она дается в руки. Пожалуй, только один Глеб Корозов безразличен к ней. Между тем невольно он оказывается в обстоятельствах, в которых, ради владения ею, у участников событий все идет в ход. Только конец не всегда становится желаемым для тех, кто ради старинных монет, готов оставить вокруг себя чистое поле.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-247-5

© Пушной В. А., 2021
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2021

Содержание

1	6
2	12
3	29
4	42
5	45
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Валерий Александрович Пушной

Опасная седина монет

© Пушной В., 2021

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2021

1

Ожесточение висело в воздухе. Отбиваясь от нападающих, Виктор медленно пятился. Приятное лицо в ссадинах, нос с небольшой горбинкой разбит в кровь, глаза, цепко хватавшие любое движение противников, прищурены. Синяя рубашка висит ключьями, светлые брюки в грязи и зелени травы.

Четверо – такие же истерзанные, озлобленные – напористо неистово наседали. Не уговаривали, упорно брали в кольцо.

Крепким парнем был Виктор – завалить такого непросто. С ним бились яростно, сбивали с ног, но поднять не могли. Он снова вскакивал и давал отпор. Выдыхались. А он играл мышцами точно на втором дыхании. Сорвал со столба конец веревки, сложил вдвое – и ну хлобыстать по физиономиям осатаневших противников.

Все происходило на дачном участке, куда Виктор прикатил со своей подружкой. Участок небольшой. Дачка маленькая, в один этаж. Фруктовый сад и трава по пояс. Высокий забор, тишина, солнце, пение птиц – как будто весь суетный мир существовал не только по ту сторону забора, но и по ту сторону планеты. Идиллия, если бы не четверо парней, неожиданно перемахнувших через этот забор. Удивление Виктора прервалось увесистым ударом в живот. И началась драка.

Из дачи выбежала девушка – худенькая стройная белокурая красавица с тонкими чертами лица и изумлением в карих глазах. Черный, облегающий ее тело топ и короткая светлая юбка восхитительно очерчивали ладную фигуру. Девушка бросилась в гущу парней, пытаясь помешать побоищу. Но чей-то кулак осадил так, что она задохнулась и растянулась на траве. Жадно глотая воздух, поднялась, скукожилась. Юбка с топом задрались. Икнула, с захлебом крикнула одному из нападавших:

– Миша, не тронь Виктора!

В грязи, кровоподтёках, тыльной стороной ладони вытирая угловатое, с ярко выраженными скулами лицо, Миша – плечистый, коренастый настырный – бешено мотнул головой, отозвался бессловесным утробным урчанием.

Отплюнув кровавые слюни, Виктор набылчился. Отступать без конца было некуда – позади стена. Собрался в ком, выбирая момент для решительного выпада. Но Миша опередил – выдернул из-под полы смятого, запачканного серого пиджака пистолет. Впился злым взглядом в цепкие неуступчивые глаза противнику, бросил своему подельнику:

– Краб, убери ее! – И девушке: – Пошла вон, Александра!

Краб сграбастал девушку длинными крючковатыми руками, как клешнями, прикрыл широкой покатой спиной, точно защищал от ударов, сдавил ей плечи. Она визгнула от боли и услышала над ухом:

– Не брыкайся, двуногая, я тебе не нянька – придавлю вмиг! Ясно, или как?

Расстегнув пуговицы пиджака, Миша поправил пальцами вымазанный кровью воротничок желтой рубашки, расставил широко ноги, поднял ствол пистолета. Виктор смотрел хмуро, опустив веревку:

– Ты кто такой? – шевельнулись разбитые губы. – Кто тебя звал сюда?

– Я на зов не откликаюсь! – усмехнулся Миша и взвел курок.

Нагнув голову, Виктор замер на мгновение; мускулы налились, как у тигра, готового к прыжку.

– Пуля быстрее, – предупредил Миша. – Не дергайся!

В хватках клешнях Краба Александра забилась:

– Миша, Виктор ни в чем не виноват!

– Тем хуже для него! – не оборачиваясь, огрызнулся Миша. – Умрет святым! – И Виктору, хмуря лицо: – Ты крепкий боец! Мне тебя жаль! Но твой срок наступил! Я тебя вздерну на твоей веревке. Не возражаешь? Брось-ка ее мне! Хотя есть еще вариант. Если рыпнешься – всажу пулю в лоб! Так что у тебя право выбора. Однако советую не дергаться, потому что пуля не оставляет шансов, а веревка хоть немного, но дает возможность подышать воздухом!

С двух сторон подельники Миши кинулись к Виктору, заломили руки, согнули пополам. Миша ударил рукояткой пистолета по затылку. Парень обмяк, рухнул на землю. Александра опять забила в клешнях Краба. Тот снова сдавил ее до хруста в грудной клетке. Миша сунул пистолет за пояс брюк, распорядился:

– В дачу его, веревку на шею!

Под мышки подельники поволокли Виктора к дверям. Краб оттолкнул Александру, подхватил ноги парня. Широко раскрыв рот, девушка захлеб сделала глубокий вдох, выпрямилась и вцепилась в Мишу:

– Останови!

– Не могу, – развел тот руками. – На этом козле крест поставил Папа, Александра! Из-за тебя! Его время вышло, сейчас накинута петля, и – шабаш! А тебя ждет Папа, я отвезу к нему!

Затравленно скосившись на рукоять пистолета, торчащую из-за пояса Миши, Александра не размышляла. В голове замкнуло. Внезапно кинула руку к оружию, рванула его, отпрянула. В глазах – молнии. Навела на парня. Тот оторопел, pokrылся мурашками:

– Не дури, Александра! Это приказ Папы! – больше ничего не успел сказать: палец девушки задрожал и надавил на курок.

Отброшенный назад, Миша упал спиной на землю. Она, не глядя, переступила через него, метнулась в дачу. В прихожей увидела отодвинутый из центра к стене стол со стульями, на полу – сорванную с потока люстру, а на крюке для люстры под потолком – веревку с петлей на конце. Краб с подельниками тужился, поднимая обездвиженного Виктора, чтобы накинуть петлю ему на шею. Крик Александры остановил:

– Краб, не смей!

Медленно тот повернул голову. Пистолет в руках Александры сказал все. Краб недобро осклабился, и в ответ хлопнул выстрел – пуля вошла ему в рот. Он выдохнул плевок крови и рухнул. Тело Виктора упало сверху.

Вторая пуля пробила грудь подручному Краба. Тот даже не издал звука – тихо присел и мягко лег.

Третий подельник опешил, засуетился на месте. Александра снова нажала на спусковой крючок. Плечо парня обагрилось кровью. Он ошеломленно пригнул колени и вдруг, издавая трехэтажный мат, отчаянно кинулся прямо на черную пасть ствола. Следующая пуля угодила в гортань. Двумя руками он схватился за горло, точно хотел остановить хлынувший поток крови, и повалился на пол.

Наклонившись над Виктором, который все еще был без памяти, Александра прошептала:

– Живой. Теперь выкарабкивайся сам! Очухаешься – приberi после меня! Я задерживаться больше не могу! Они не оставили нам времени! Не обессудь, я воспользуюсь твоим авто! – Сунула руку ему в карман брюк, достала ключ от машины, выпрямилась, минуту постояла, снова нагнулась, вытащила у него телефон. – Лучше, если сейчас он будет у меня. – Затем, подумав, пошарила по карманам убитого Краба и его подручных, собрала все телефоны и быстро шагнула к двери.

Выйдя во двор, носовым платком вытерла пистолет, стирая свои отпечатки, присела возле Миши, вложила ему в руку. Потом из кармана его пиджака забрала телефон. После чего стремительно пустилась к калитке.

В последнее мгновение, захлопывая калитку, оглянулась, еще раз окинула все взглядом, но ничего настораживающего не заметила. Все было тихо. За воротами – две машины. Виктора

и Миши. Она прыгнула в машину Виктора, бросила на пассажирское сиденье телефоны, вставила ключ в замок зажигания, завела и быстро набрала скорость.

Приподняв голову, Миша оперся на локоть, застонал, с трудом сел. Не хотелось верить, что Александра стреляла в него, – привык видеть ее возле Папы слабой и беззащитной. Догадался, что произошло внутри дачи. Подумал, что ошибался в Александре, что она оказалась совсем не гладкой и пушистой, что за эту пулю он обязательно поквитается с нею. Папа запретил ее трогать – она сидела в нем, как заноза. Не удивительно: красивая, зараза! Но напрасно на сей раз послушался Папу. Надо было сразу скрутить ее в крепкий узел и – в машину. Лоханулся, идиот, – обошла на повороте. Чуть к праотцам не отправила. А ведь запросто могла.

Медленно поднялся на ноги. Рана на левой стороне груди кровоточила, левая рука висела плетью. Просто в рубашке родился. Сжал в правой ладони пистолет, собрал себя в кулак, двинулся к воротам. Болью во всем теле отзывались шаги. За калиткой втиснулся в свою машину. Не увидел авто, которое стояло у ворот, когда они подъехали. Рассудил, что Александра укачала на нем. Достал из кармана носовой платок, вытер лицо, глянул в зеркало и нащупал ногой педали.

Сознание туманилось, временами куда-то проваливалось. Он плохо видел дорогу – полоса как будто плавала перед глазами, то била по ним серыми пятнами асфальта, то терялась где-то. В такие моменты машину начинало мотать из стороны в сторону. Иногда кюветы вокруг казались извивающимися змеями.

Но Миша упорно давил на газ. Спешил в город, к врачу, который пользовал людей Папы. Полез в карман за телефоном, чтобы позвонить Папе, но не нашел.

На полпути ему внезапно ударило в голову, что сам не доедет. Напряжение, которым пытался удержать свое сознание, сходило на нет. Вдруг увидел впереди на обочине расплывчатую женскую фигуру. Девушка голосовала дамской сумочкой. Ударил по тормозам. Она мгновенно юркнула в салон, весело пролепетала:

– Мне в город! Довезешь?

– Водить умеешь? – спросил парень, не пытаясь рассмотреть ее лицо. Оно нечетко выступало из туманной дымки перед глазами.

– А то! – усмехнулась девушка. – Права имеются.

– Сейчас у всех права имеются, – сказал с едва уловимой иронией Миша. – А водить-то умеешь?

– Обижаешь! Конечно умею! – подтвердила уверенно. На симпатичной улыбчивой мордашке появилось некоторое неудовольствие от его недоверчивой насмешки.

– Как зовут?

– Вика!

– Вика, Надежда, Любовь, – пробормотал он, смежив веки. – А меня Миша! – Ему казалось, что ее голос плавал в дымке, слова цеплялись за что-то, теряя окончания.

– Вера, надежда, любовь, – поправила она.

– Вот именно, – невозможная боль, сказал он. – Я верю в тебя. Садись за руль!

Странная просьба удивила девушку. Она расширила глаза, внимательно вгляделась. Только теперь разглядела, каким серым было лицо водителя. Заметила выступивший край кровавого пятна на рубашке под разъехавшимися полами испачканного пиджака. Ойкнула, согнав с лица улыбку:

– У тебя кровь!

Сжимая зубы, он выдохнул, падая затылком на подголовник:

– Есть немного. – Подышал, силясь не потерять сознание. – Если довезешь в третью городскую, к врачу Кагоскину, подарю тебе эту машину.

Недоверие мелькнуло в глазах девушки:

– С чего бы вдруг? Не ворованная случайно?

– Дура! – Миша оторвал затылок от подголовника, подался вперед, и голова упала на руль. Нога соскользнула с педали тормоза, непроизвольно вдавила педаль газа в пол, и парень потерял сознание.

Автомобиль резко дернуло с места и понесло стремительно по дороге. Девушка закричала:

– Что с тобой?! Останови машину! Очнись! – Ее испуганный визг заполнил салон. Она бессильна была что-либо сделать. Неосознанно схватила ремень безопасности, лихорадочно пристегнулась.

На полном ходу машина ударила в боковую дверь идущий слева автомобиль и сорвалась с полосы в кювет, врезалась радиатором в толстое дерево.

Искореженный передок. Капот – в гармошку. Из пробитого радиатора – пар. Мотор чуть ли не в салоне, осколки от стекол.

Машины, какую ударил Миша, занесло, крутануло, но водитель сумел удержать ее на дороге. Ошалело выскочил наружу, негодуя на виновника аварии, и затих в замешательстве, увидав в кювете искореженный кузов.

Следом за водителем из авто показался Глеб Корозов, ступил на обочину, пытаясь понять, что произошло. Два охранника, выпрыгнув вместе с ним, ошарашенные, мотали головами.

Все случилось неожиданно и так быстро, что разобраться, кто прав, кто виноват, не было времени. Глеб в тот момент разговаривал по телефону. Авто вдруг кинуло в сторону, запищали тормоза, Глеба оторвало от спинки сиденья, бросило вперед, ударило лицом о подголовник водителя. Телефон вылетел из рук. Машину закрутило, и она застопорилась поперек дороги. Большая удача, что никого не зацепили.

На дороге быстро образовалась пробка. Люди повыскакивали из салонов авто, кинулись к машине Миши. Водитель Корозова, Никола, оказался возле нее первым. Дверь заклинило, окровавленное тело Миши зажало. Кто-то сквозь разбитое стекло приложил пальцы к его шее, сообщил остальным:

– Ловить нечего! Готов!

С другой стороны машины прощупали пульс у девушки. Осторожно вытащили, положили на землю, привели в чувство. Открыв глаза, она увидела незнакомые лица, в горячке приподнялась. Никола, расстегнув полы пиджака, присел на корточки:

– Тебе повезло, красавица. Уцелела, – покачал головой с редкими волосами, наползающими на заметные уши. – А твоему приятелю – кто он тебе, – не повезло. Кажется, богу душу отдал. Муж, что ли? Случаем, не пьяный был? Куда гнал как бешеный? Дороги ему мало было!

Приходя в себя, растерянно моргая, испуганно смотря на окруживших ее людей, переводя глаза с одного лица на другое, Вика, запинаясь, сказала:

– Трезвый. У него была кровь. Не муж. – Задела пальцами ранку на лице. – Что это? Больно.

– Скорую вызвали? – повернулся к толпе Никола.

– Вызвали, – ответил кто-то.

– Заживет твое лицо. Главное, живая осталась. Еще где-нибудь болит? Кости целы? Сейчас скорая придет. Так что все будет нормально. А голова пошумит и перестанет. Дружок твой или знакомый? – спрашивал Никола.

Сумбурно Вика рассказала, как очутилась в машине.

Кто-то поднял с пола в салоне дамскую сумочку, протянул девушке.

Вывхавтив зеркальце, Вика глянула в него. Ссадины, разбитые губы и нос. Похоже, это больше всего расстроило ее. Она чуть не заплакала. Губы задрожали, и только боль в них отвлекла ее от мысли об испорченной красоте.

– Ерунда все это, мелочи, – успокоил Никола, подбадривая улыбкой серых глаз. – Сейчас врачи быстро обработают твои болячки. Не успеешь оглянуться, как ничего не будет.

Подсобив ей подняться с земли, Никола отошел к Глебу. Пересказал услышанное. Корозов по-прежнему стоял на обочине. Высокий, плотного сложения, в темно-синем костюме. Овальное, чуть удлиненное лицо было сосредоточенным. Николу выслушал молча. В общем-то, информации никакой, если не считать, что попутчица заметила у него на рубашке кровь. А по сути, виновник аварии мертв, а со случайной попутчицы какой спрос? Никакого. Разумеется, если она говорит правду. А если врет? Глеб хмыкнул и произнес:

– Странная история. Не мешало бы проверить ее слова. Может, все шито белыми нитками. Поищи у парня документы, пока полиции нет. И у нее проверь заодно.

Никола вернулся к машине. Девушка стояла на том же месте, где он оставил ее, – похоже, до нее только начинало доходить, что с нею все могло закончиться иначе. У нее появился нервный тик, нелепая полуулыбка-grimаса, дрожали большие ресницы, на глаза наворачивались крупные слезы. Она то и дело отряхивала светлую блузку и юбку, сокрушаясь, что замарала и помяла их.

До карманов Миши Никола не добрался – его тело придется вырезать, – а у Вики с собой не оказалось никаких документов. Проверил ее сумочку – ничего. Девушка, всхлипнув, проговорила:

– Еще он просил отвезти его в больницу. Говорил про врача.

– Ну-ка, ну-ка! – Никола взял ее под локоть. – Пойдем отсюда, побеседуем, – повел Вику к Глебу.

Новая информация несколько оживила Глеба – он смотрел на Вику, ожидая фамилию врача. Девушка обеспокоенно наморщила лоб, вспоминая. Ссадины, разбитые губы, нос и попытка сосредоточиться искривили симпатичную мордашку. В голове у Вики словно заклинило – мысли вымерзли и стояли на месте. В глазах мелькнуло смятение, больше похожее на обреченность. Она пыталась и никак не могла извлечь из памяти, в какую больницу просил отвезти Миша и к какому врачу. Бывает же так: вот еще минуту назад все как будто было ясно, и вдруг словно отсекло! Втянув в себя воздух, девушка натужилась и наконец почувствовала, как мороженный ком мыслей в голове начал постепенно подтаивать. Она неуверенно выдохнула:

– Кажется, Закваскин.

– Кажется или точно? – переспросил Глеб.

Снова с натугой перекосив лицо, Вика вдруг пошатнулась, застонала и стала медленно оседать на землю. Глеб успел подхватить ее. Она негромко шепнула:

– Мне дышать тяжело. Что со мной?

– Все будет хорошо. Ты не волнуйся. – Перехватив девушку из рук Корозова, Никола аккуратно положил ее на землю. – Просто шок отходит. Сейчас приедет скорая. Ты потерпи.

Через десять минут врач скорой осмотрел Вику, сделал укол. Ее положили на носилки и перенесли в автомобиль. Затем врач как смог осмотрел Мишу, развел руки, покачал головой:

– В морг.

Подъехала машина ГИБДД. Вызвали МЧС. Несколько позже, описав аварию и вырезав тело Миши из исковерканного авто, обнаружили у парня пулевое ранение и ствол за поясом, вызвали оперативников и прокуратуру.

Корозов, дождавшись приезда Акламина с операми, коротко рассказал Аристарху, как произошла авария, заключил:

– Это все, что касается нас. Остальное все в той машине. Гаишники и МЧС расскажут лучше меня. Там еще была девушка Вика, попутчица. Ее увезла скорая.

В даче к тому времени очнулся Виктор. Сполз с распластанного тела Краба. Тупо осмотрел прихожую: трупы на полу, кровь, петля под потолком. Чувствуя боль в затылке, встал на ноги, качнулся к двери.

За дверью солнце ослепило. Двор был пуст.

Протопал к калитке, выглянул наружу – никого. Вернулся к даче, не зная, как быть. В голове застряло, что его хотели прикончить, но не мог взять в толк за что, и почему убитыми оказались поделщики Миши? Мало-помалу в голове четко отложилось, что Миша и Александра исчезли, а в его даче – трупы. И еще кольнуло: вдруг к трупам причастна Александра? Дрожь пробежала по телу. Как из этого выкрутиться? Как все повернет полиция, одному богу известно. Подставить Александру нельзя. Возможно, она защищала его. Мелькнула мысль, что единственный выход сейчас – избавиться от трупов. Прикрыл глаза; из мутной пелены выступило красивое лицо девушки, ее тонкая фигура. Бешеная страсть к ней испепеляла парня. Знакомы не больше месяца, но разве это имело какое-то значение сейчас? Он обхватил руками голову. Кажется, все ясно: у него выбора не было.

Поздним вечером в темноте запер дачу и вышел за калитку. Добрался до автомагистрали, поднял руку – грузовик подвез до города. На окраине в одном из дворов присмотрел старенькую машину, вскрыл замок, соединил концы проводов, завел. Уже ночью вернулся на дачу, перетащил в машину трупы, после чего мрачно и напряженно ехал по проселочным дорогам, направляясь к заброшенным прудам. Бросил трупы в воду, вымыл лицо и руки.

Через полчаса подъехал к реке, утопил машину, скинул верхнюю одежду, швырнул в воду ниже по течению, окунулся с головой и пошел-побежал прочь от этого места.

Ранним утром в одних трусах подошел к воротам дачи.

Затем долго и старательно отмывал полы.

После этого его лихорадило, зубы стучали. Лег на диван и с открытыми глазами пролежал до обеда. Мучился, мысли съедали, пока не зацепила тревога: вдруг кто-то знает, что он остался жив, и снова придет сюда по его душу? Надо срочно уходить, скрыться!

Быстро натянул на себя дачную одежду и торопливо покинул дачу.

Над головой висело послеобеденное солнце.

2

Отдав машину в ремонт, Корозов пересел на другую. Спустя четверо суток он рано утром отправился в соседний город по делам. Быстро завершил их и уже в послеобеденные часы возвращался домой. Находился в хорошем расположении духа. Переговоры прошли удачно – можно было немного расслабиться. Погода хорошая. В небе ни облачка, солнце над головой. Не доезжая до города километров двадцать-тридцать, сказал водителю, чтобы тот завернул к реке.

Всегда он был перегружен работой и никогда не понимал, как можно подолгу просто так, от нечего делать, лежать под солнцем на пляже, сидеть в воде и просто киснуть от безделья. Такой отдых больше утомлял, чем расслаблял, заставлял изнывать от ничегонеделания. Его стихия – работа.

Но иногда требовалось хоть ненадолго от всего отключиться. Глеб воспринимал только короткий отдых, смотрел на него как на передышку между длинными забегами. Пара часов у реки – хорошая зарядка, целый день у воды – ленивое безделье. Он любил смотреть на воду – черпал энергию, забывал о городской суете и шуме.

Сейчас можно было часок подышать речным воздухом. В машине четверо: он, Никола и два охранника. Один – крупный, с коротким чубчиком, высоким лбом и крутым затылком, в белой футболке, из коротких рукавов которой выступали накачанные мускулы, – неподвижно сидел на переднем пассажирском сиденье. Второй – более подвижный, среднего роста, с плотно сомкнутыми губами и безудержно бегающим взглядом, точно боялся упустить любое движение внезапного противника, тоже в футболке, только в черной, – сидел сбоку от Глеба.

Свернули на проселочную дорогу, миновали несколько деревень, когда водитель, поглядывая в зеркало заднего вида, предупредил:

– Кажется, за нами режут два внедорожника! Давненько я их приметил. Думал, проскочат мимо поворота. Но нет, шуруют следом! – Он прибавил газу. – Что делать, Глеб?

– А ничего, – спокойно отозвался тот. – Поглядим, что будет дальше. Если ты не ошибся – значит, не ошибся. А если ошибся – значит, ошибся. Сверни на грунтовку и – к реке.

Машина выехала на поросший травой береговой склон в виде небольшой поляны. Вода сверкала на солнце, тихо плескаясь у берега.

Все вылезли из салона. Вдохнули сладкий запах реки.

По сторонам склона деревья и кусты спускались к самой воде. Заросли были густыми, с сочной зеленью. Река неширокая, течение спокойное, от воды тянуло прохладой.

На другом берегу в кустах, под тенью деревьев тихонько сидели два рыбака с удочками, непринужденно уставившись на качающиеся в воде поплавки.

Накинув на себя легкие куртки, чтобы прикрыть торчащие из-за пояса травмы, охранники оглядывались на приближающиеся два внедорожника.

Расстегнув пиджак и ослабив галстук, Глеб шагнул к воде.

Проверив за спиной под курткой оружие, крупный охранник с высоким лбом сделал несколько шагов навстречу внедорожникам, вытянул вперед руку, чтобы авто остановились.

Второй охранник и водитель остались возле Глеба, прикрывая его собой. Корозов видел, что внедорожники застопорились метрах в десяти от его машины. Некоторое время из них никто не показывался. Глебу это не понравилось – он нахмурился, напряжил мускулистое тело.

Наконец из передней машины, словно выпал, вывернулся колченогий крепыш и, прихрамывая, тронулся навстречу крупному охраннику Глеба. Хмыкая на ходу, смерил того с головы до ног и нехотя бросил:

– К твоему шефу есть базар!

– Со мной говори, я передам! – парировал охранник.

- Не доверяю почте!
- Тогда запишись на прием! Но не думаю, что он тебя примет! Не вписываешься в стандарты переговорщиков!
- Не путайся под ногами, сопливый! – угрожающе выговорил колченогий. – Пострижем на лысого, как серого козлика! Не разводи базлы, передай, сам Папа слово скажет!
- Твой, что ли? – прищурился охранник.
- Посмотрев, как на мелкую букашку или даже на вошь, крепыш бросил:
- Не мутит воду, сопливый! Нарываешься!
- Рот закрой, трепло! Мне твой Папа – пустое место.
- Не плюй в колодец! Папа этого не любит.
- Это его проблема, – поморщился охранник. – Как представить шефу твоего Папу?
- Так и базарь: Папа говорить будет.
- Усмехнувшись, охранник жестко потребовал:
- Ствол на землю!
- Я пустой, – развел руками колченогий. – Проверь.
- Кличка «Папа» ни о чем охраннику не говорила. Он бесцеремонно обшарил колченогого, предупредил:
- Стой и не шарахайся! Спрошу. – И шагнули в сторону Корозова.
- Вот-вот, спроси! – пустил ему в спину крепыш.
- Выслушав, Глеб после паузы, проговорил:
- Не знаю, кто это. Что за Папа? Откуда он материализовался?
- Черт его знает, Глеб. Этот почтальон толмачит одно: Папа да Папа. Может, из уличной братвы? – предположил охранник. – Ну что, от ворот – поворот, или выслушаешь, что ему надо?
- Я смотрю, долго ехал за нами. Настойчивый. Знать, не отвяжется без разговора. Интересно, что ему от меня нужно? Ладно, давай послушаю, что скажет. Нормальный разговор всегда полезен. Если только нормальный. Пропусти.
- Вернувшись к топтавшемуся на месте колченогому, охранник сказал:
- Добро! Шеф согласен поговорить.
- Метнувшись к внедорожникам, крепыш распахнул дверь второго авто.
- Из него показался Папа – высокий, несколько выше Корозова. Лысоватый спереди, с легкой проседью на висках, чисто выбритый. С неровной кожей лица, длинноватым носом и властным взглядом. Решительной походкой по траве прошел к Глебу, даже не глянув на его охранников, будто для него они были пустым местом.
- Не протягивая руки, ровно беспардонно недружелюбно проговорил хрипловатым напористым голосом, сверля взглядом:
- У меня только один вопрос, который я хочу задать тебе сам!
- Ради одного вопроса мог бы не ехать за мной так долго! – сдержанно отозвался Корозов, заложив руки за спину и тоже впиваясь в зрачки собеседнику.
- Собрав морщинки вокруг глаз, Папа выпятил тонкие губы, на лице появилось нечто похожее на улыбку:
- Значит, познакомились!
- Странное знакомство, – напрягаясь, сказал Глеб. – Вижу, ты хорошо знаешь, с кем разговариваешь, а я – нет. Не хочешь представиться?
- Сделав паузу – видимо, помыслив, стоит ли отвечать на вопрос Корозова, – Папа все-таки произнес:
- Дусев.
- А дальше? Кто ты, что ты, откуда возник?
- Пока достаточно этого.

Первое, что отметил Глеб, увидав Папу, – это его тяжелое лицо. Отдельные части лица, не очень подходившие друг другу, собранные воедино, создавали монолит. Под белой рубашкой, надетой на нем, чувствовались физическая сила и спортивная фигура. С первого взгляда определить возраст было сложно, Папа или хорошо сохранился, или омолаживался. Но не вызывало сомнения, что он был старше Глеба. А вот насколько старше – тут раздолье для гадалки. Рубаха и черные брюки сидели на нем безукоризненно.

Скрестив руки на груди, Дусев сказал:

– Несколько дней назад на трассе ты попал в аварию.

Удивленно вскинув брови, Корозов промолчал. Отчего бы вдруг этой аварией заинтересовался какой-то Папа? В голове мгновенно пронеслось, что у погибшего водителя обнаружили пистолет, а сам он еще до аварии был с пулевым ранением. Может, между этим Дусевым и водителем была связь? Тогда он должен знать, кто такой был водитель. Акламин ломает голову над безызывственным трупом, а концы, возможно, у Папы. Однако Дусев заговорил об ином. О девушке, которая была в машине.

– Я знаю, – сказал он, – что в другой машине вместе с водителем ехала девушка. Куда она делась после аварии?

– Почему ты решил, что я должен знать, где эта девушка? – спросил Глеб.

– Ты не мог не видеть ее.

– Разумеется, видел. Но не более того.

– А более и не надо! – отрезал Папа. – Это не твоя забота!

Когда его люди, отправленные на разборы с Виктором, неожиданно пропали, как в воду канули, он был взбешен. Но более взбеленился, когда санитар из морга прислал весточку, опознав труп Миши. А из полиции свой человек принес информацию об аварии на дороге и о том, что в машине с погибшим была девушка. Папа решил, что это Александра. Поиски по известным местам ни к чему не привели – как сквозь землю провалилась. А найти ее нужно было любой ценой. Вот тогда всплыло имя Корозова. Дусев решил тряхнуть его.

Не так давно Папу крупно прокатали с коллекцией старинных монет. По его установке коллекцию грабанули в логовище черного антиквара, разжиревшего на черном рынке нумизматики. По полученной информации, в этой коллекции были редкостные древнейшие монеты, которые не значились ни в одном каталоге, общей стоимостью в несколько десятков миллионов долларов. Даже были монеты, отчеканенные по оценкам нумизматов чуть ли ни десять тысяч лет назад. То есть тогда, когда, согласно современной истории, еще царил натуральный обмен и чеканки монет не существовало. Папа не был нумизматом и мало что понимал в этом, но цена коллекции сделала свое дело, и он клюнул на информацию.

На антиквара совершили налет. Под пыткой тот сдал свой тайник, но это не спасло ему жизнь. Его убили, прикопали в лесу, а коллекцию забрали. Вот только Папу после этого обвели вокруг пальца. Авантюра была талантливо разыграна и блестяще исполнена: коллекцию подменили, Дусев получил копеечные фальшивки, а оригиналы испарились.

Вот тогда Папа начал искать виновника. И тут неожиданно обнаружилось, что у Александры с недавних пор появился тайный любовник Виктор. Это взорвало Дусева. Он заставил подручных копнуть под этого Виктора, и скоро ему донесли, что тот как будто был отменным фармазонщиком, работал всегда в одиночку, нигде не светился. Где его выудила Александра, или где он подцепил ее, было пока неясно. Однако в деле с коллекцией его следа не отыскалось. Взбешенный изменой Александры, Папа приказал Мише прихлопнуть парня.

Но вот теперь, когда Миши и его подручных не стало, а Александра исчезла, у Дусева невольно закралось подозрение, что ко всему руку приложил Виктор, что в свое время подручные плохо покопались в его грязном белье. Фармазонщик оказался хитрее них и наверняка причастен к истории подмены коллекции. Но как и каким боком, у Дусева ответа не было. Между тем это соображение все больше разъедало ему душу. Поспешил он, отдавая приказ

Мише, поспешил! Надо было как следует взять фармазонщика за жабры. Вот теперь придется перевернуть весь город, чтобы его отыскать.

Вдобавок укреплялось предчувствие, что Александра может знать, где Виктор теперь находится, и даже не исключено, что сейчас она возле него. От этой мысли Папу выворачивало наизнанку.

Молодая, красивая, пылкая, обжигающая вспышками своего огня, Александра была его последней любовницей. Распалая его страсть до кипения. Он попал в ее чары, как кур в ошип. Стал доверять. И вдруг такой облом.

Кто у кого оказался на крючке? Он ли приглянулся Александре или она Виктору? Скорее всего, второе – тот закрутил ей голову. Жук оказался еще тот. И кажется, теперь ясно, с какой целью. Но ясно ли до конца – это совсем не факт. Ведь вопросов в этой логике Папы оставалось больше, чем ответов. Себе можно было задавать их бесконечно, но ответить на них мог только Виктор, если подозрения справедливы.

– И все же, – повторил вопрос Дусев, глядя на Корозова. – Куда после аварии делась девушка?

Настойчивое желание Папы узнать про попутчицу погибшего водителя несколько удивляло Глеба. Но скрывать тут было нечего, да и не к чему. Какая в этом могла быть тайна?

– Ее увезла скорая. После всякой серьезной аварии вызывают скорую. Мог бы сам догадаться, а не гоняться за мной по дорогам! – сказал он. – Скорее всего, девушка в больнице. Ищи там!

– Не думай, что ты один такой умный. Я уже перешерстил все больницы. Ее там нет.

– Тогда вопрос не ко мне, – качнул головой Глеб. – Я тебе сказал, как было, а что могло произойти потом – не знаю!

Некоторое время Папа не отрывал испытующих глаз от Корозова, затем недоверчиво безапелляционно предупредил:

– Смотри, Корозов, если на самом деле все было не так, я еще приду к тебе! Я не прощаю тем, кто мне врет!

Нахмурившись, Глеб ответил не менее жестко:

– Ты свои угрозы, Дусев, побереги для своих подручных. Со мной не стоит повышать голоса. Надо было тебе самому прибыть на место аварии – тогда не пришлось бы цепляться за мной на дороге.

На щеках у Папы заиграли желваки. Он больше ничего не сказал, оторвал от груди руки, развернулся и зашагал по траве к своей машине.

А сев в автомобиль, глядя сквозь боковое стекло на медленно двигавшегося к воде Корозова, коротко, но уверенно произнес подручному, сидевшему рядом с водителем:

– Он сказал не все! Ему что-то известно! Поехали!

Береговые заросли постепенно скрыли Глеба, и Папа не видел, как тот подошел к воде, присел и опустил руку в тихую волну.

Сразу после отъезда Дусева Глеб, задумчиво прогуливаясь по поляне, позвонил Акламину.

Сочная трава хрустела под подошвами обуви. Каждый шаг Корозова, его охранников и водителя, топтавшихся рядом с ним, хорошо слышался в тишине.

На другом берегу по-прежнему, как изваяния, два рыбака застыли в одном положении. То ли не было никакого клева, то ли они просто дремали, уткнув подбородки в грудь. Картина любопытная. Забросив леску в воду и воткнув концы удилищ в землю, рыбаки словно забыли о них. И, похоже, даже не переговаривались между собой.

Рассказав Аристарху о состоявшейся встрече, Глеб спросил:

– Ты не знаешь, кто такой этот Папа? Дусев?

– Ну почему же не знаю? – отозвался Акламин. – Знаю. Когда-то даже участвовал в его поимке. Но два года назад он вышел на волю. Между тем два года нигде не мелькал, ни в каких делах замечен не был. Возможно, что все это время его не было в нашем городе. Умный. С ним ухо надо держать востро. На испуг его не возьмешь, пока не разложишь все по полочкам. По слухам двухгодичной давности, в тюрьме он коронован. Фрукт твердый. Но была у него одна слабость: любил молодых девчат.

– Что в этом необычного? – хмыкнул Корозов. – Обычное явление.

– Как сказать, как сказать, – дважды повторил Аристарх. – Если девушка попадала к нему на крючок, она становилась в его руках собачонкой.

– Что в этом удивительного?

– А удивительное то, что все его любовницы в результате куда-то исчезали, но куда – это вопрос. Найти какие-либо следы и что-то доказать не удалось. Вот так. И сейчас, скорее всего, попутчица водителя, погибшего в машине, – это любовница Дусева. Поэтому он ищет ее.

– Не знаю, так ли это, но девушка была молодая. Впрочем, ты, наверно, уже сам видел ее. Она что-нибудь рассказала тебе о водителе?

Последовала небольшая пауза, после которой Аристарх вздохнул:

– Увы. Пока нет.

Неприятно пораженный таким ответом, Глеб изумился и зашагал по поляне широкими шагами. Казалось, что эта поляна стала мала для него.

– Да ты что, Аристарх? – воскликнул он, напрягивая мускулистое тело. – Почему так затаился? Сейчас Дусев заберет ее – и тогда ищи-свищи. Вполне возможно, что Дусев знает водителя. Имей это в виду. Хотя с таким же успехом она может быть просто случайной попутчицей. В общем, есть что разгадывать.

Снова в телефоне голос Акламина на некоторое время умолк. Потом Корозов услышал:

– Не уверен, что Дусеву повезет на этот раз. Дело в том, что в больницу девушку скорая не доставила.

– Как так? – не понял Глеб.

– Вот так, – проговорил Аристарх. – Не думай, что мы сидим без дела. Сначала мы обзвонили все городские больницы, но, не найдя девушку ни в одной из них, обратились в скорую помощь и разыскали водителя, который забрал девушку с места аварии. Он сообщил, что девушка возле больницы, куда привез ее, неожиданно соскочила с носилок и кинулась бежать так шустро, что догонять ее никто не стал. Буквально в считанные секунды скрылась с глаз. Вот такие дела, Глеб. Кстати, врача Закваскина в городе нет ни в одной больнице. Оперативники всё проверили. Поэтому я прошу тебя подъехать ко мне со своим водителем, чтобы составить фоторобот девушки. История, как видишь, приобретает затяжной характер, а если учесть, что в нее вклинивается Дусев, то, возможно, непредсказуемый.

С внутренним разочарованием Корозов произнес:

– Ладно. Подъеду. Только вряд ли мы сможем помочь тебе. Лицо девушки было в ссадинах, разбиты губы и нос. Слепить из этого настоящее не так просто. Попробуем.

Быстро свернув отдых у реки, он часа через полтора подкатил к зданию полиции. Рабочий день шел к концу. Но возле полиции, как обычно, парковка была забита машинами. Приткнув авто с края, водитель подождал, когда вылезет Корозов, и потопал следом за ним. Один охранник остался у машины, второй проводил Глеба до дверей здания.

Отправив водителя составлять фоторобот, Акламин задержал Глеба у себя в кабинете. Посадив напротив, придвинув к себе записную книжку и положив на нее авторучку, произнес:

– Объясни, почему тебя по пятам преследуют разные происшествия? Мне кажется, не просто плетутся за тобой, а гонятся, как гончие собаки. Похоже, эта дорожная авария становится новой мороккой для меня. Возможно, ты прав, что Дусев может знать погибшего води-

теля. Вероятно, также знал, что с ним едет эта девушка. Иначе с чего бы ему к тебе обращаться? Получается, что после аварии ее возле него нет. Исчезла не только из нашего поля зрения, но и из его. Интересный сюжет. Кто же такая эта Вика, куда подевалась? Все так складывается, что вряд ли она была случайной попутчицей. Но если это так, то, учитывая ранение и оружие водителя, у Папы к ней интерес может быть не только как к молоденькой любовнице. Здесь, очевидно, имеется нечто серьезнее. – Аристарх взял в руку авторучку, покрутил ее пальцами перед собой, чиркнул по листу бумаги, лежавшему слева, как бы проверяя, хорошо ли она пишет, и отложил на край столешницы. Туда же задумчиво отодвинул записную книжку. – И еще, Дусев – это матерый волк, мелочами заниматься не станет. Собственной персоной прибыл для переговоров с тобой. Не передоверил своим подручным. Стало быть, тут собака зарыта глубже. Как бы не запахло скоро жареным. Два года после отсидки – ни слуху ни духу. А тут нате вам – выполз на свет божий из-за какой-то молоденькой любовницы! Нет, определенно заварка тут покрепче. Пока что это мои фантазии, но как бы они не превратились в реальность. Советую тебе держать ухо востро, как говорится, ушки на макушке. Отнесись серьезно к угрозам Дусева. Он не уличная шпана. Сам видишь: информации пока ноль, а события вокруг аварии начинают множиться. Хорошего в этом мало. Придется мне поставить на уши своих оперов, чтобы раньше Папы отыскать девушку Вику. Хотя она может быть совсем не Викой. Ведь документов никаких при ней не было. Короче говоря, не расслабляйся ни на минуту.

После полиции Глеб поехал к себе в офис, вызвал начальника охраны, Исай, распорядился организовать параллельный поиск Вики. Еще сидя в кабинете Акламина, он стал мысленно упрекать себя за то, что безучастно отнесся к выжившей девушке. Выпустил ее из рук. Но тут же пытался обелиться: кто бы мог предположить, что все так обернется? Безусловно, он не предполагал подобного. Да и вряд ли на его месте кто-нибудь предугадал бы дальнейшее развитие событий.

Наметив план действий, Исай выделил группу охранников, раздал им фоторобот, отправил в город в людные места. Рассуждал так: если она скрывается, то будет стараться затеряться в толпе.

Оперативники получили от Акламина задание выяснить, где появляется Дусев, и покопаться среди его окружения. Вдруг да удастся получить какие-то зацепки по возникшим вопросам.

На следующий день водитель Корозова обнаружил, что с самого утра и до поздней ночи за его автомобилем, как приклеенные, мотались «Жигули».

Продолжалось все ровно три дня, пока Исай не прижал эту легковушку и не потрянул тех, кто был в ней. Выяснилось, что это были люди Дусева.

А несколькими днями раньше, на следующий день после аварии, Виктор, добравшись до города, укрылся в квартире своего деда. Тот все лето пропадал на даче в мизерном домике и участке в пять соток. А внук с его согласия пользовался квартирой. Старик не любил сидеть в городском жилье – даже в преклонном возрасте тянулся ближе к природе. А Виктор периодически снабжал его продуктами.

Уверенный, что квартира деда – это надежное убежище, Виктор был неприятно поражен, когда поздним вечером, почти ночью, услышал звонок в дверь. Он к этому времени уже лежал в постели и почти заснул.

Приподняв голову, насторожился. Дед так поздно появиться не должен, знакомые к старику наведывались редко, тем более в такое время. Кроме того, знакомые знали, что он все лето обитал на даче.

Звонок повторился и заставил Виктора вскочить на ноги. Найдя в темноте тапки, он сунул в них ступни и заправил майку в трусы. Первая мысль была подойти к двери и глянуть

в глазок, но она тут же выпала в осадок, и он решил не двигаться, чтобы звонивший, ничего не добившись, отступился. Виктор замер посреди спальни.

Однако звонили настойчиво. Так звонят, когда точно знают, что в квартире кто-то есть. Звонок был длинный-длинный, начал раздражать, а потом лихорадить. Пришлось сойти с места и осторожно подступить к двери. Прислушаться и посмотреть в глазок. И словно окатило жаром. Парень взволнованно задышал. Как он мог забыть, что об этой квартире знает Александра? Однажды он сам приводил ее сюда и рассказывал про деда. Да, в глазок он увидел ее. Тусклый свет слабой лампочки плохо освещал лестничную площадку, но девушка стояла перед дверью так, чтобы ее было хорошо видно. Стройная, неотразимая, в желтой блузке и черной юбке.

Отпустив кнопку звонка, Александра, словно почувствовав, что он подошел к двери, негромко позвала:

– Виктор, это я! Открой.

Щелкнув замком, он открыл дверь. Полоса блеклого света с площадки упала в темную маленькую прихожую, серо осветив парня, часть противоположной стены в обоях и пола с вытертым линолеумом. Виктор отступил, девушка шагнула через порог, он обхватил ее и прижал к себе. Крепко прижал, как будто не видел тысячу лет. Обрадовался ей, ибо одному в пустой квартире очертенело.

Дальнейшего плана у него никакого не было. Он просто осознал, что должен теперь спрятаться. Вместе с тем понимал, что всю жизнь скрываться в этих стенах не будешь. И не знал, что делать в сложившихся обстоятельствах. Был растерян.

И вот, будто по волшебству, возникла Александра – она всегда появлялась вовремя. Он опять прижимал ее к груди, с удовольствием вдыхая в себя аромат духов и запах ее тела. Она не отстранилась, тихонько шепнув на ухо:

– Раздавишь, Виктор, отпусти! Дверь закрой.

Закрыв обитую дерматином дверь с маленьким номерком выше глазка, очутившись в темноте прихожей, где вешалка и тумбочка с зеркалом занимали половину площади, Виктор повел рукой и не обнаружил рядом Александры. Вздрогнул – кольнула досада, что оторвался от девушки.

Шагнул в спальню и включил свет. Шкаф, тумбочка, кровать и стул – все наполнение небольшой комнаты. Александра стояла посреди и сбрасывала с себя одежду на пол. У ног валялась юбка, у шкафа – блузка и босоножки, стринги возле стула. Красивая, как статуэтка. Он подхватил девушку на руки и начал целовать. Она тихонько засмеялась. Виктор положил ее в постель.

Сейчас ему казалось, что он никогда не любил ее так сильно и что вообще ее так сильно никто никогда не любил. Она сводила его с ума. Для нее он готов был сделать все, чего бы она только ни захотела.

Мгновенно все неприятности последних дней куда-то испарились, словно их и не существовало, пропали страхи, пугавшие неопределенностью. Прикасаясь к телу Александры, целуя ее, он чувствовал себя уверенным.

Потом они отдыхали. Все куда-то исчезло, весь мир исчез, испарился. Были только они двое и полный покой в душе. Но затем постепенно его мысли стали возвращаться к реалиям жизни, и он спросил:

– Ты куда пропала вчера? Что он с тобой сделал? – Подождав и не услышав ответа, Виктор пояснил: – Когда я пришел в себя, я ничего понять не мог! Одни трупы вокруг. Кроме их главаря. Его не было и тебя не было. Я решил, что он тебя увез. Кто он такой? Откуда ты его знаешь? Что ему нужно от тебя? И почему они напали на меня? Мне пришлось много повозиться, чтобы убрать все следы на даче.

Судорожно вздохнув, Александра поняла, что Миша остался жив. Это было очень плохо. Как она могла проглядеть такое? Если он добрался до Папы, тому уже все известно. Если добрался. А если нет? Все же стреляет она неплохо. Метила в сердце, но пуля-дура, видно, не зацепила. Однако с такой раной надо или срочно на операционный стол, или вторая дорога – в морг. В таком случае Папа может ничего не знать. Впрочем, в любом случае он предпримет все меры, чтобы найти ее. А она должна срочно разобраться, что с Мишей.

Да, дела как сажа бела – подпортила она себе обедню. Тем не менее хорошо, что вовремя заглянула к Виктору, узнала о результатах. Очнувшись от раздумий, когда повторно услышала вопрос парня:

– Почему они хотели убить меня?

Заставив себя улыбнуться, она ответила:

– Расскажу тебе позже. Сейчас не хочу о них вспоминать. Хочу только одного: чтобы ты любил меня.

Прикоснувшись к ее телу, он привстал на локоть и снова справился:

– Ты сбежала от него? Как тебе удалось это?

Поцеловав парня, девушка шепнула:

– Потому что я хотела увидеть тебя. Мне это было необходимо.

Оставаясь в прежней позе, Виктор посмотрел так, будто изучал ее лицо:

– Я совсем не знаю тебя. Я это понял, когда увидел трупы. Кто их убил? Миша? Но почему убил своих? Почему оставил в живых меня? Это ты упростила? Он кто? Твой бывший любовник?

Прижавшись к нему грудью, она впиалась губами в его губы, потом шепнула:

– Зачем сразу столько вопросов? Разве для этого я лежу с тобой в постели? Оставь их на утро! Все узнаешь! – Вцепилась в него ногтями и притянула к себе.

И опять у Виктора все вылетело из головы, захватило дух от нее.

Долго, до упаду они с удовольствием занимались любовью. Уже под утро парень уснул крепко и безмятежно. Девушка встала с кровати, стараясь, чтобы она не скрипнула, томно потянулась, подняла с пола одежду, положила на стул. Виктор широко раскинулся по койке. По спящему лицу гуляла счастливая улыбка. Он мирно похрапывал.

Найдя на полу свою сумочку, Александра достала пистолет с глушителем, вернулась к кровати. Виктор во сне по-ребячьи шевелил губами. Посмотрела на него с жалостью и решимостью одновременно. Проговорила:

– Лучше, если ты останешься в неведении. Зачем тебе знать, что произошло на самом деле? Прости! Ты был неплохим любовником, но у тебя другая роль – она сейчас закончилась. Так надо, потому что так должно быть! – Александра подняла пистолет, направила ему в висок и нажала на спусковой крючок.

Кровь брызнула на подушку, голова Виктора дернулась, из его горла вырвался последний выдох. Умер он мгновенно, не проснувшись.

Старательно и неторопливо вытерев пистолет своим носовым платком, Александра вложила его в руку парню. Небрежно набросила покрывало на его голое тело.

За окном рассветало.

Надев после этого одежду, Александра прибрала после себя, чтобы ни в постели, ни в комнате ничто не указывало на то, что здесь во время убийства Виктора присутствовала женщина. Выглянула в окно сквозь старенький застиранный тюль – улица безмятежно спала. Кинула последний взор по комнате, туманный взгляд скользнул по телу Виктора. Никакого сожаления. Мысленно она была уже далеко отсюда.

Вышла из комнаты в маленькую прихожую. Мимоходом посмотрела в зеркало над выцветшей тумбочкой. Понравилась сама себе – очаровательна в этой желтой блузке и желтых босоножках. Поправила одежду, подошла к входной двери. Осторожно приоткрыла, выглянула

на площадку. Тихо. Шагнула через порог. Зашелкнула за собой замок и неслышно спустилась вниз, стараясь идти на пальчиках, чтобы не стучать высокими каблучками по бетонным не очень чистым ступеням.

Улица приняла ее утренним покоем.

Здесь уже можно было не идти на пальчиках, и она, застучав каблучками, быстро пошла прочь от дома. Шла между спящими домами, спящими машинами у подъездов. Голова была забита мыслями. Думала, где срочно отыскать Мишу, чтобы обезопасить себя. Иначе события могли выйти из-под контроля.

Задумчиво пересекла безлюдный тротуар, ступила на дорогу, чтобы перейти на другую сторону, смотрела себе под ноги. Очнулась от окрика, раздавшегося рядом. В утренней тишине этот крик прозвучал, как удар молота по наковальне:

– Куда прешь, дура?! Под машину! Жить надоело?

Остолбенев, Александра подняла голову: она стояла посреди дороги, а сбоку в пяти сантиметрах от ее ноги был бампер автомобиля. Из машины высунулось красное разъяренное лицо водителя, с языка которого срывались слова не столь приятные для слуха в этой утренней тишине.

Не спрашивая разрешения, девушка неожиданно метнулась к двери авто, прыгнула в салон и проговорила, видя удивление в глазах водителя:

– Ну, чего смотришь? Газуй дальше! Буду учить вождению! А то на пустой дороге чуть не наехал на единственного пешехода! Вперед!

Водитель, тараща круглые глаза, хмыкнул и нажал на педаль газа.

В обшарпанный подъезд обычного панельного пятиэтажного дома торопливо вбежала пухленькая невысокая с беспорядочно разметавшимися по голове черными волосами девушка. С пакетами покупок в руках. И торопливо по бетонным ступеням поднялась на этаж.

Остановилась у зеленой двери, поспешно ткнула ключ в замок, повернула до щелчка и юркнула в квартиру. В прихожей включила свет, перед зеркалом на стене мимолетно поправила челку и пробежала с пакетами в кухню, положила на стул. Затем в прихожей опять глянула в зеркало. Уже более тщательно пригладила на висках черные волосы, схваченные на затылке в пушистый хвостик. Выключила свет и вышла из квартиры, легонько прикрыв дверь.

Не закрыв ее на замок, подступила к коричневой двери в соседнюю квартиру и всей ладонью, тоже пухленькой, нажала на маленькую кнопку звонка, плохо заметную на потускневшей синей стене. Из-за двери донесся приглушенный звук, скорее похожий на гудок старого паровоза, нежели на звонок. Подождала, когда к двери кто-нибудь подойдет. Но никто не подошел и не открыл. В ответ была тишина. Постучав в дверное полотно костяшками пальцев, девушка позвала:

– Эй, соседка! Валентина, это я! Открой! Я знаю, что ты дома! – Она опять постучала, но уже пухленьким кулачком.

Из-за двери посмотрели в глазок – девушка заметила это по тому, как яркое пятнышко глазка потемнело, – потом спросили:

– Это ты, Верка? Ты одна?

Та нетерпеливо откликнулась:

– Я, конечно, кому еще быть? Естественно, одна.

После этого дверь открылась. Медленно, как будто с неохотой. Верка подтолкнула ее и проворно, как прыгающий мячик, юркнула внутрь. Прикрыв за собой, крепко прижала дверное полотно спиной. Пробежала глазами по невзрачной тесной прихожей с выцветшими стенами, с крючками в углу, с зеркальным трюмо и подставкой для обуви. Остановила взгляд на лице Валентины в ссадинах, с распухшими губами и носом, заговорщически изрекла:

– Сидишь? Ну и соседку мне бог подsunул! Я так и знала, что ты куда-то вляпалась! Сразу так подумала, когда в прошлый раз увидела твою физиономию. Признавайся, что натворила?! Кто прошелся по твоей личине? За что отделал? Вроде б и мужиков к себе не приваживаешь, а морда как после хорошего кулака. И вообще, откуда ты в эту квартирку приبلудилась? Сняла и полгода не прошло, а уже в синяках разгуливаешь. Час назад на автобусной остановке менты про тебя выспрашивали и показывали всем твое фото, на компьютере нарисованное. Правда, не совсем похожее, однако я сразу скумекала, что это твоя мордашка, но ментам ничего не сказала. Только почему-то они тебя Викой называли!

Сделав удивленным лицо, чуть покривив его от боли в распухших губах, Валентина немного отступила назад, округлила глаза, захлопала длинными ресницами и отозвалась:

– Может, ты обозналась, Верка? Ты вечно чего-нибудь выдумашь или напутаешь! – На ней был надет короткий однотонный легкий домашний халат и малиновые шлепки на ногах. Лицо без улыбки, несколько настороженное. Короткие не очень черные волосы на голове аккуратно уложены.

Оторвав спину от двери, соседка немного наклонилась вперед, подмигнула и усмехнулась:

– Ага, обозналась. Твою физиономию не узнала. Она хоть и побитая у тебя сейчас, а все равно я не ошибусь. Иди сама, выйди. Посмотришь, придумала я или нет!

На душе у Валентины заскребли кошки – она именно этого опасалась. Значит, полиция все-таки начала искать ее и уже рыскает недалеко от дома, где она снимает квартиру. Следовательно, хорошо, что она не выходит на улицу. Но, к сожалению, это не является полной гарантией ее инкогнито. Ведь ее могли на остановке по компьютерной зарисовке узнать другие и указать, где видели? Надо было немедленно что-то делать.

Окинув Валентину загадочным взглядом, Верка спросила, делая особое ударение на последнее слово:

– Ну, что будем делать, Вика?

Сразу поняв вопрос, Валентина неторопливо отступила из прихожей в комнатный проем, сказала:

– Ладно, заплачу я тебе, Верка!

Опять хмыкнув, та тут же, безостановочно и бесцеремонно, шагнула к ней, звонко поторопила:

– Тогда плати давай! Чего тянуть? А то вильнешь хвостом и поминай, как звали! Да и деньги мне что-то понадобились очень.

Покачав головой, ничему не удивляясь, Валентина сморщила симпатичное лицо, показывая этим свое неприязненное отношение к соседке:

– Ну и стерва ты, Верка! На лету подметки рвешь!

Но Верка безразлично пропустила ее слова мимо ушей, как будто они были сказаны не о ней, но если даже о ней, то совсем для нее не оскорбительны, а, напротив, даже приятны:

– Так мы же обе одинаковые! – заметила в ответ.

Со вздохом Валентина ступила в комнату к тумбочке, достала из ящика кошелек, вытащила купюру, неучтиво протянула соседке:

– Хватит?

Посмотрев на купюру с равнодушным и даже удивленным выражением на лице, Верка пробормотала:

– Я и от большего не откажусь.

Снова вздохнула, Валентина опять залезла пальцами в кошелек и отчужденно протянула еще одну купюру:

– Не будь такой жадюгой.

Беззастенчиво приняв вторую купюру, Верка на этот раз со вкусом глянула на нее, сложила с первой и сунула обе в карман:

– Ладно. Ты пока сиди, не высовывайся. А я еще понюхаю на улице. Если что, я тебе стукну. – Она проворно выскользнула на площадку.

Валентина захлопнула за нею дверь.

Прошли дни – пролетели, как будто одно мгновение. Острота недавно происходивших событий притуплялась. Корозов торопил Исая с поисками девушки. Его расстраивало, что у Акламина тоже пока не было положительных подвижек. Опасаясь, что Дусев может оказаться расторопнее, он мучился от мысли, что Папа опередит их.

С утра автомобиль Глеба стоял против окон офиса. Около него топтались водитель с охранником. Никола, как обычно, в своем сером костюме, охранник – в серой рубашке и джинсах. Жара донимала. Солнце било в глаза. Заставляло щуриться. Люди под жгучими лучами шли по тротуару быстро, сбавляя ход под тенью деревьев вдоль тротуара. Здесь можно было хоть чуть-чуть вздохнуть. Никола лениво, словно недоспал сегодня, вытащил руки из карманов брюк, потянулся, глянул на телохранителя, раздражительно пробурчал:

– Ну и жара! Задавила. Не мешало бы смочить землю дождичком. Неплохо бы и на речке искупаться.

Согласно поддакнув, охранник, вспотевший, то и дело вытиравший платком пот с лица и шеи, полнолицый парень повернулся на неожиданный писк тормозов поблизости. Со свистом шин по асфальту, оставив на дороге черные полосы, застопорился синий автомобиль. Никола качнул головой:

– Вот чудак, сдурел, что ли?

Из авто стремительно выскочили четыре парня. И не успели Никола и охранник сообразить, что происходит, и выхватить травмы, как на них обрушилась лавина кулаков. Удары посыпались со всех сторон. Били молча, с бешеным напором. Сбили с ног, оглоушили. Затем мигом обшарили карманы Николы, выдернули ключ от замка зажигания, прыгнули в автомобиль Корозова и сорвали с места. Синий автомобиль уходил следом.

Все произошло так живо и внезапно, что охрана офиса также не успела адекватно отреагировать. Когда охранники выскочили на крыльцо, машина Глеба уже тронулась. Пальбу устраивать не стали, опасаясь угодить в прохожих. Подбежали к Николе и охраннику, помогли подняться.

Бездумно смотря вокруг себя – редкие волосы торчали в разные стороны, костюм и рубаха в асфальтной грязи, – Никола сбивчиво закричал:

– Дайте руль, я их достану! Раздавлю гниду!

– Да не ори ты! – оборвал один из охранников офиса. – Пойди достань! Их след простыл! И как назло – ни одной своей машины!

– Их надо остановить! – продолжал кричать Никола. – Я себя человеком не буду чувствовать! Они меня нагнули! – И напустился на полнолицего охранника, пострадавшего вместе с ним, прижавшего к затылку ладонь. – Ты о чем думал, куда смотрел?! Шляпа! Ты зачем приставлен сюда?! Шляпа!

Спустя десять минут они вдвоем стояли перед Корозовым, как побитые собаки. Опустили головы, плечи, ссутулились, не смотрели в глаза Глебу.

Сидя за рабочим столом, Корозов, расстегнув полы пиджака, молча смотрел на них таким взглядом, от которого у парней мороз проходил по коже. Им нечего было сказать в свое оправдание. Какие они побитые собаки? Они всего-навсего мокрые курицы.

– У вас травмы есть? – наконец спросил Глеб.

– Есть, – кивнул охранник.

– Так в чем дело? Зачем вы носите их?

В кабинет, запыхавшись, вбежал начальник охраны. Его нашли по телефону, сообщили о происшествии. Он в это время был на выезде.

Показав кивком головы на провинившихся, Глеб бросил:

– Полюбуйся на них, Исай! Они проворонили автомобиль! И оба потеряли свою работу!

Между тем водитель все-таки вставил слово:

– Дай мне время, Глеб! Я найду машину! И этих гнид собственными руками придушу!

Пропустив мимо ушей это восклицание, Корозов продолжил:

– Но самое плохое, Исай, то, что охранники у дверей офиса тоже всё проспали! Вдобавок сразу не было организовано погони! – Заметная морщина пробежала по щеке Глеба. – Кого ты набрал в охрану? Какая это, к черту лысому, охрана? Они же профукают и проспят всё! Это плохие работники, Исай! Это не охранники! Допустить такое! Замени их, набери новых! Я плачу деньги не за то, что мне докладывают о промахах, а за то, чтобы таких промахов не было! – Глеб умолк, махнул рукой, отправляя водителя и охранника из кабинета, и сурово посмотрел на начальника охраны.

Медленно развернувшись, поникнув, виновники поплелись к выходу. Исай открыл дверь, провожая их колким холодным взглядом – на узком лице впалые щеки очертились тенями, – выпустил и шагнул к столу. Машинально, отточенным движением руки откинул челку с высокого лба и озабоченно потер лоб пальцами. Корозов проговорил:

– Разберись со всеми. И немедленно организуй поиск машины! Найди! Это не случайный угон! Не просто ехали, увидели, угнали. Сделано быстро и без помарок. Я думаю, охотились за моей машиной! Не из той ли оперы про «Жигуленка»? Не зря он за нами мотался. Отслеживал. Ты его хоть и тряхнул, но, видать, всего не вытряс. Вот и результат. Все тот же Дусев. Больше некому. Оттуда ноги растут, оттуда. Только не понимаю, чего добивается. Подозреваю, что не может найти свою девчонку, и, вероятно, думает, что мы ее умыкнули. Другого повода не вижу. Знал бы он, что ты до сих пор не нашел концов! Неужели это большая проблема для тебя?

– В общем-то, проблема, – ответил серьезно Исай, снова откидывая челку со лба и потирая его. – Девушка, скорее всего, где-то зализывает ссадины. И место это неизвестно даже Папе. Вот и весь расклад. Пока не выйдет на улицу, найти ее будет непросто.

– И тем не менее никто с тебя этой задачи не снимает. Если бы все было легко, не нужны были бы руки, ноги и голова.

– Я не жалуюсь, Глеб, но мои ребята не сидят. Лучших бросил на ее поиски и на отслеживание Дусева, поэтому сегодня произошел срыв с машиной. Найдем авто. И девушку найдем.

– Хорошо хоть моя основная машина в ремонте находится. Узнай-ка сейчас, долго еще с нею возиться будут? Ремонт-то небольшой – дверь помята, да и все. Поторопи.

– Задача ясна, Глеб! – сказал Исай, кивнув.

– Иди.

Быстро крутнувшись, начальник охраны сунул руку в карман джинсовой куртки за телефоном. Аккуратно прикрыв за собой дверь кабинета, набрал номер, ступая мимо секретаря.

Чем больше проходило времени, тем больше увеличивалось нетерпение Папы и тем больше нарастала злость, что ему никак не удастся найти Александру. Его подручные рыскали повсюду, но ни девушки, ни Виктора, ни подельников, которые были вместе с Мишей, найти не удавалось.

Слух об афере, которую провернул с ним какой-то никому не известный Виктор, начал просачиваться в криминальные круги – и авторитет Папы зашатался. Допустить утрату авторитета Папа не мог. Он стал мгновенно закручивать гайки и затыкать рты и глотки всем, кто распускал язык.

Но одна мысль глубоко и крепко вонзилась ему в мозг и сверлила до невыносимой боли. Папа не мог взять в толк, кто пустил такой слухок. Ведь даже он не знал этого точно, только подозревал фармазонщика в причастности к афере. Не мог же на самом деле этот Виктор на

каждом перекрестке трезвонить, что нагрел на коллекции древних монет самого Папу! Это для фармазонщика верная смерть, и даже не от Папы, а от каждого, кому захочется заполучить себе баснословно дорогую коллекцию. Не самоубийца же Виктор. Парни, которые потряхнули маклера, ничего сказать никому не могли: им в тот же день повязали шнурки на шеи и присыпали землей вместе с маклером. Слишком высока цена была, чтобы оставлять живыми таких свидетелей. Дусев терялся в догадках, и это еще сильнее выводило его из себя.

После встречи с Корозовым настроение Папы было скверным. Информации практически ноль. Результаты поиска такие же, как у Акламина. Прошло несколько дней, а воз и ныне там. Папа выжимал соки из подручных, но никаких новых сведений не получал. Все было в тумане.

Ближе к вечеру Дусев, надев костюм и белую рубашу, направился в ресторан «Млечный Путь» – там была назначена деловая встреча. Он часто навещал это заведение – владелец ресторана был его человеком. Папу хорошо тут встречали и провожали.

Ресторан был небольшим, но уютным. Прекрасно оформлен изнутри и снаружи. Издалека виден фасад с красивой декоративной плиткой, большими затемненными окнами и ярким названием.

Свернув с дороги, водитель, как обычно, припарковал авто на площадке перед рестораном. Телохранитель, крепкий на вид верткий быстрый рыжеволосый парень в джинсах и черной рубаше навыпуск, выскочил из машины и открыл для Папы дверь. Тот, вдохнув воздух, неспешно опустил ногу на асфальт. Вышел неторопливо, расправил плечи, посмотрел на наручные часы, повернулся лицом к ресторану, спиной к дороге. И тут услышал, как сзади прокричал молодой голос:

– Папа, повернись рылом к смерти!

Оглянувшись на дорогу, он увидел, что прямо против него притормозил черный автомобиль с тонированными стеклами. В задней боковой двери стекло опущено, и из салона торчит ствол автомата.

Инстинктивно пригнувшись, Дусев услышал автоматную очередь.

Выхватив пистолет, рыжеволосый телохранитель сильно за руку рванул Папу книзу, бросая лицом на асфальт, а сам, присев у колеса, стал палить по автомобилю. Водитель – большеголовый, крупный стриженный накоротко – тоже выхватил оружие и начал стрелять прямо из салона.

Пули из автомата напоследок прошли металл кузова, и ствол убрался. Авто сорвалось с места.

– Номерок и машинку запомни! – закричал телохранитель водителю, вскакивая во весь рост и стреляя вдогонку.

После этого подбежал к Папе, увидел кровь на пиджаке и рубаше, спросил:

– Папа, ты как, живой?

В горячке тот не почувствовал, что его обожгло пулями. Только теперь, когда стал шевелиться, понял: зацепило.

Торопливо, с излишней расторопностью, озираясь, подбежал водитель:

– Слышь, номерок в голове! – сказал, размахивая стволом и произнося номер авто.

Попытавшись подняться, Дусев застонал, но на коленях все-таки удержался, выдавил сквозь зубы:

– За ним! Достать его!

Словно получив команду «фас», большеголовый водитель кинулся за руль. Сунув пистолет за пояс, телохранитель поддержал Дусева под руку:

– Папа, тебе нужен лекарь!

Подбежали охранники ресторана, подхватили Папу и на руках занесли внутрь. Посадили на диван в помещении охраны. И вокруг замельтешили какие-то работники ресторана. У Дусева зарябило в глазах. Он потребовал:

– Всех вон! Перевяжите рану!

Рядом с Папой, вытягивая шею, тонкую и длинную, как у жирафа, остались суетливый директор и невысокая, с лицом маленькой куколки девушка в синей кофточке, черной юбочке и белом переднике, готовившая бинты и пластырь. Голова у Дусева шла кругом. Сжимая зубы, он затрудненно дышал, пытаясь вообразить, кто мог устроить покушение на него. Девушка с помощью директора сняла с Папы пиджак, разорвала и срезала рубаху, ловко наложила на раны бинты, заклеила пластырем, потом повернулась к директору и что-то шепнула.

Увидел это, Дусев резко отреагировал:

– Не смей шептаться в моем присутствии! Говори вслух все, как есть!

Испуганно глянув на директора, девушка словно спросила у того разрешение и пролепетала:

– Нужно в операционную. Вытащить пулю.

Морщась, Дусев чувствовал, что слабеет, но упорно удерживал сознание:

– Что ты понимаешь, коза?! Заживет!

Однако директор, вытягивая шею, поддержал свою работницу, заступился:

– Ты не шуми на нее, Папа. Она в прошлом хорошая медсестра и знает, что говорит. Ей можно верить.

Глянув на телохранителя, стоявшего у двери, Папа подумал и распорядился:

– Найди Кагоскина, выдерни сюда!

Кивнув, парень начал звонить. Услышав новость, Кагоскин немедленно выехал на вызов. Дусев был уже без сознания, когда появился врач. Он был среднего роста, с длинным лицом, острым подбородком и глазами на близком расстоянии. Внешность неординарная, но вместе с тем не отталкивающая. Рубаха в крупную клетку и тонкие летние брюки.

Осмотрев рану, он раздраженно задвигался по помещению, ходил, высоко вскидывая голову, как петух среди кур в курятнике. Уняв раздражение, закричал на рыжего телохранителя, директора и девушку:

– Чего глазеее на меня, как бараны? Его срочно надо на операционный стол! Почему сразу не повезли в больницу? Ты о чем думал, рыжий? Подгоняйте машину! – Напустился не телохранителя и директора.

Нагнув голову, директор стрелой вылетел за дверь.

– Ты же знаешь, какой он, – оправдывался перед врачом телохранитель. – Пока вот медсестра не впарила ему, никого не слушал.

– Какая медсестра? Эта, что ли? Тоже мне медсестра! Хотя бинты хорошо наложила.

В дверь вбежал директор:

– Машина стоит у входа. Моя.

На улице вечерело. День шел к концу. Дусева перенесли в автомобиль. Телохранитель, с Папиным пиджаком в руках, сел рядом, придерживая того. И в это время в кармане пиджака зазвонил телефон. Телохранитель достал, ответил. Звонил водитель Папы, погнавшийся за машиной со стрелком. Услышав не Папин голос, во все горло прокричал:

– Передай Папе! Я нашел колёса! Тот самый номер! Что делать? Они бросили авто! И «калаш» здесь же! Что делать?

Еще не сообразив, что ответить водителю, телохранитель услышал, как связь прервалась. Он сам набрал номер, но водитель не взял трубку. Кагоскин сел рядом с водителем, и авто отъехало от ресторана. Несколько раз в дороге телохранитель повторял набор, но водитель так и не ответил.

Расползались сумерки. Была та пора, когда не пришла полная темнота, но когда дневной свет уже сдал свои позиции. Еще чуть-чуть, и он как в воду канет. Солнце уходило за горизонт.

Весь день Исай мотался по городу по закоулкам и тупикам, но автомобиль Корозова словно сквозь землю провалился. Сейчас, прежде чем до наступления полной темноты прекратить поиски, завернул в какой-то темный переулок.

И вдруг в конце переулочка глазам своим не поверил – увидел машину Глеба. Автомобиль стоял на обочине с открытой дверью. Возле него крутился крупный большеголовый парень, осматривая изнутри и снаружи. Больше никого не было видно. Исай положил руку на плечо водителю:

– Аккуратно! Тормозишь по моей команде! – сказал ему и, повернувшись назад к двум охранникам, распорядился: – Останавливаемся, мигом выходим и берем здоровяка за жабры! – Здоровяком Исай назвал водителя Папы, который крутился вокруг автомобиля Корозова. Авто Дусева стояло дальше метра в пятнадцати. – Возможно, в салоне есть еще кто-то, – предположил Исай, – поэтому вы двое кладете здоровяка мордой на землю, а мы врываемся в салон и глушим остальных! Ну а если там пусто, присоединяемся к вам. Приготовьте травмы! Но палить нежелательно! Лучше без пальбы!

Подкатив к авто Корозова, водитель по команде Исая остановился. Охранники выпрыгнули и мгновенно скрутили большеголового водителя Папы. Тот в этот момент разговаривал по телефону. От неожиданности он не сумел оказать сопротивление – очутился на земле. Салон авто был пуст. Исай увидел на заднем сиденье автомат. Здоровяка обезоружили, накинули наручники, подняли на ноги. Тот бился в руках охранников, как выброшенная из воды рыбина.

Подступив к нему, Исай, глянув колко и холодно, спросил напористо:

– Кто заказал угнать автомобиль?! На кого охотиться собрался с автоматом?!

Выгнувшись в дугу, водитель Дусева захрипел:

– Пустите, козлы! Ничего не знаю! Автомат не мой! Я ехал мимо! Вон мой кардан! Остановился посмотреть! Машина нараспашку, и рядом – никого!

Глянув в сторону авто Дусева, Исай не поверил большеголовому:

– Будешь парить нам мозги – лишишься своих! Так что прикинь, что для тебя лучше!

Задержавшись, водитель Дусева выкрикнул:

– Поплатитесь, козлы! Папа из вас решето сделает!

Стоило Исая услышать это, как он еще больше насторожился. Если это действительно подручный Дусева, тогда за угоном машины стоял Папа. Правда, зачастую уличная шантрапа, чтобы придать себе вес, прикрывалась известными кличками, беря таким манером на испуг, посему стоило сначала проверить здоровяка. Уличный шаромыжник он или дусевский подручный? Исай скомандовал охранникам:

– В машину его! Завяжите глаза! Разберемся.

Осмотрев салон автомобиля Корозова, сел за руль и выехал из переулочка. Достал телефон, позвонил Глебу:

– Машину нашли, Глеб, – проговорил. – Накрыли вместе с угонщиком! Угрожает нам Папой. Возможно, ты прав, что кашу заварил Дусев! Везем угонщика в наш отстойник! Потрясем!

Одобрительно хмыкнув, Корозов проговорил:

– Хорошая работа! Вытряхни из него все, что он знает!

Когда водителя Дусева доставили до места, на улице смеркло. Втолкнули в подъезд дома. Не видя из-за повязки на глазах ступеней, спотыкаясь на них, направляемый сзади двумя охранниками, он, огрызаясь, поднялся на площадку.

В квартире повязку с глаз сняли. Включили свет. Он беглым взглядом оглядел прихожую с плечиками и зеркальным шкафчиком. Перестал сыпать угрозами. Затих и мрачно насторожился.

Проведя в пустую комнату, его посадили на стул у стены. Привалившись к спинке, он зло смотрел на охранников, отступивших к двери.

Ждали Исай. Подручному Папы быстро надоело играть в молчанку, и он опять попытался запугивать:

- Ну вы, козлики, попали! Слышь, теперь вам кранты! Снимите браслеты!
- Заткнись! – ответили ему. – Надоел уже!
- Папа с вас шкуры спустит! Живьем на шампур насадит!
- Ты сначала свою шкуру сбереги!

Хлопнула входная дверь. Исай, появившись в прихожей, прислушался, как в комнате большеголовый упражнялся в угрозах. Охранники встретили начальника охраны словами:

- Вот собачится, стервятник!

Насмешливо покривив губы, водитель Дусева глянул на Исай исподлобья:

- Слышь, ты кто такой? Ты за эти браслеты ответишь! – Он дернул руками за спиной.
- Переверни пластинку, приятель! – холодно прервал Исай. – Спрашивать буду я, а ты

отвечать!

- Да пошел ты знаешь куда! – брызнул слюной здоровяк.

– Вот туда я тебя отправлю, если будешь молчать! – угрожающе подступил Исай. – Докажи, что ты Папин человек, а не зачуханный парашник?

Как ужаленный, большеголовый подскочил с сиденья стула:

– Слышь, ты сам козел позорный! Я сроду у парашки не лежал и за другими парашу не выносил! Папа меня водилой возле себя держит! Узнай у него сам, слышь, если такой смелый!

- Говори, как позвонить ему? – напирал Исай. – Я спрошу! Только про кого спросить?

Вгрызаясь бешеным взглядом в Исай, водитель Папы никак не мог сообразить, в чьи руки угодил. Этих парней он видел впервые. Видел, что его запугивания, подкрепленные кличкой Дусева, никак не подействовали на них. Был удручен. Клял себя за собственное глупое поведение. Нет бы сначала, когда увидел машину, из которой стреляли в Папу, подождать, понаблюдать, сориентироваться. А он как оголтелый сразу ринулся к автомобилю, полез в салон. Лохом оказался. Залетел, и, кажется, по-крупному. Но кого винить? Кроме себя, некого. Терялся, как дальше держать себя в этих обстоятельствах. Наконец, решив отыгаться молчанкой, стал опускаться на стул.

Но ловко и быстро Исай выбил стул из-под него.

Не ожидавший этого здоровяк не удержался на ногах, плюхнулся задом на пол. Хорошо приложился, боль почувствовал. Растянулся на линолеуме. Заскулил, перекатился набок, приподнял голову:

- Слышь, ты что делаешь, козел?

– Козел – это ты, парень! – резко отреагировал Исай. – Говори кликуху, иначе валандаться с тобой не будем!

- Ну Леший я! – пробурчал большеголовый. – Без понтов.

– Выкладывай все начистоту, Леший, или тебе не поможет никто! – нагнулся над ним Исай.

Медленно сев на полу, вытянув перед собой ноги, тот пробормотал, сощурившись:

- Слышь, иди ты! Сначала назови себя!

Еще с полчаса Исай бился с Лешим, но так ничего и не достиг. Тот упорно молчал. Одно стало очевидным: Леший был водителем Папы, а потому вывод напрашивался сам собой: угон машины – это затея Дусева. Но зачем тот это сделал, предстоит выяснить.

После операции Дусев чувствовал себя хорошо. Буквально сразу с операционного стола он потребовал увезти его из больницы. Убравшись в свои пенаты, где Кагоскин обеспечил нормальный уход за ним. Через день после операции Папе принесли весть, что машина, из которой по нему стреляли, принадлежала Корозову. Вторая новость была о том, что пропал его

водитель. Автомобиль Папы нашли брошенным в глухом переулке. Никто не сомневался, что к этому тоже причастен Корозов.

Папа терялся в догадках, почему Корозов устроил покушение на него, пока мысли его не вернулись к утраченной коллекции монет. Здесь его фантазия буйно разыгралась. Он прокручивал в сознании: авария на дороге, исчезновение Александры, странная неосведомленность Корозова, побег девушки из скорой помощи... Стоп! А если все было разыграно?

В голову ударила сумасшедшая мысль: вдруг авария не случайна? Вдруг в тот момент Александра и Миша выпотрошили из фармазонщика коллекцию монет и везли ему? А Корозов устроил аварию, чтобы перехватить коллекцию и прибрать монеты к рукам. А потом... потом все непонятно с Александрой. Но сейчас, определенно, Корозов задумал избавиться от него. Невероятно! Поверить невозможно! Но ведь совсем недавно он бы не поверил никому, что его могут одурачить с коллекцией. Ан случилось. Так что исключать теперь нельзя ничего.

Чем абсурднее были мысли Папы, тем больше в них верилось.

И Дусев решил действовать на опережение.

3

Раскаленное солнце нагревало металл до такого состояния, что, прикоснувшись к нему рукой, можно было обжечься. Достаточно под палящим солнцем побыть десять-пятнадцать минут – и везде, где только возможно, на теле начинал выступать пот. И хотелось пить. Страшно хотелось пить.

В такую жару Глеб предпочитал находиться в тени, в холодке.

Сегодня рабочий день у него начался рано, поэтому заглянуть в ресторан пообедать ему также удалось чуть раньше обычного. Он вылез из машины. И словно окунулся в пекло. Непроизвольно дотронулся рукой до капота автомобиля и отдернул ладонь. Недовольно буркнул что-то себе под нос и направился к дверям ресторана. Воздух перед глазами как будто плавился на солнце. Три охранника за спиной кряхтели от жары.

Часто он заглядывал в этот ресторан, любил сидеть за столом у окна. Официанты уже знали об этом и сами проводили к этому столу. Но сегодня почему-то ему расхотелось идти на привычное место. Он направился в другую сторону зала и сел за стол в углу. Возможно, возымели действия увещевания начальника охраны. Тот постоянно настаивал, чтобы Глеб не садился у окна. Особенно после того, как однажды в него стреляли через стекло.

С нового места хорошо были видны весь зал и посетители. Удивленно поглядывал официант – стройный, приятной внешности парень с завитком волос на лбу, в черных брюках, белой рубашке с черной бабочкой. Приблизившись, он уточнил:

– Накрыть на этот стол или где всегда? Что на этот раз подавать?

– Сегодня мне понравилось это место, – улыбнулся Глеб. – Давайте блюда, какие обычно.

Сунув записной блокнот с авторучкой в карман рубашки, официант побежал выполнять заказ.

Ожидая, когда его обслужат, Глеб наблюдал из своего угла, как посетители входили, выбирали места, садились, смотрели меню и потом звали официанта. Увидел, как стол около окна, где он обычно обедал, выбрала пара мужчин респектабельного вида. С сединой в волосах, с медлительностью людей, которые знают себе цену, в белых рубашках, темных, хорошо отглаженных брюках, с красивыми ремнями на них, дорогими часами на запястьях и барсетками в руках. Сели уверенно, бесстрастно, не глядя по сторонам, даже с некоторой отстраненностью от зала. Как будто кругом ничто им не было интересно.

А потом с улицы вошла молодая пара и села за соседний стол рядом с Глебом. Ребята были несколько скованны, украдкой робко осматривались. По всему видно было, что они зашли в ресторан впервые и еще не знали, как нужно себя вести. Вероятно, парень пригласил девушку, чтобы поднять свою значимость в ее глазах, или они вместе решили отметить какое-то их торжество. Он был высок и худ, с юным лицом, и она – тоненькая, тихая, словно еще не оперившаяся. У таких обычно спрашивают, исполнилось ли им восемнадцать лет.

Глеб отвел глаза.

Скоро официант выполнил его заказ.

По обыкновению Корозов сначала отпил из бокала сок, потом взялся за вилку и нож.

Молодая пара, приближаясь лицами, тихонько о чем-то перешептывалась. Когда официант ставил на их стол блюда, они много раз произносили: «Спасибо».

Чуть позже компания из четырех человек – три девушки и парень – шумно и весело ввалилась в зал, разместилась за столом неподалеку от молодой пары и загомонил еще громче.

Два охранника Глеба – один кряжистый, с родинкой на лбу над правым глазом, в синей куртке, а второй чуть повыше, с белыми, почти незаметными бровями, в сером пиджаке, – стоявшие у двери, цепко следили за посетителями.

Откуда-то сверху, как будто с потолка, ниспадала тихая приятная ненавязчивая музыка, которая не давила на перепонки и не раздражала своей экспрессией.

К столу у входа две чопорных женщины преклонного возраста подозвали официанта, попросили счет, рассчитались, неторопливо поднялись и пошли к двери. Глеб оторвался от блюда, поднял глаза и посмотрел им вслед. Они одеты были по моде несколько сейчас устаревшей, но элегантно, без излишеств, с косыночками на шеях. Только у одной косынка была розовая, а у второй – голубая. Они умиротворенно улыбались, не обращая внимания на окружающих.

В ту минуту, когда женщины подошли к выходу, дверь внезапно перед ними растворилась и в нее буйно ворвался парень в длинной летней просторной сине-белой куртке с капюшоном. Он грубо оттолкнул с дороги женщин, при этом одна из них – с розовой косынкой, – от его толчка охнула и упала, вторая, с голубой косынкой, едва удержалась на ногах.

Лихорадочно распахнув куртку и выхватив из-под нее пистолет, парень сделал несколько выстрелов по мужчинам, сидевшим за столом у окна. Было видно, что он торопился, стрелял наверняка, заранее зная, куда должен посылать пули. Мужчины, пораженные этим огнем, стали медленно сползать со стульев. В этот миг стрелок, вероятно, увидел, что ошибся, взгляд его заметался по залу. Ствол пистолета задергался, а потом стал поворачиваться в сторону Корозова.

Посетители ресторана помертвели.

Выхватив травмы, охранники Корозова сорвались с мест и открыли огонь по стрелку. Никто в этой суматохе не обратил внимания, кроме женщины, которую сбил с ног стрелок, как дверь ресторана приоткрылась и в щели возникла рука с пистолетом, который несколько раз выстрелил в стрелка. Тот вскрикнул, выронив оружие из рук, и рухнул на пол. Рука с пистолетом в двери исчезла, и дверь закрылась. Когда охранники наклонились над стрелком, тот был уже мертв.

От ресторана с визгом отъехала машина.

Один из охранников – кряжистый – метнулся к дверям, вспомнив, что на улице стоял третий. Выскочив, оторопел. Третий охранник – черноволосый, в джинсовой куртке, – лежал на крыльце. Проверив пульс, кряжистый стал приводить парня в чувство.

В зале оцепенение не прошло. Посетители за столами застыли, на полу лежало распростертое тело стрелка, около него валялся пистолет. Тела мужчин за столом у окна были неподвижны. Две женщины в обнимку испуганно жались к стенке.

Из кабинета выскочила директриса ресторана – маленькая, худая, с раскосыми глазами, в зеленом платье-костюме, перепуганная. Растерянно моргала, пытаясь что-то сказать, но заикалась и захлебывалась словами.

И вдруг все посетители разом подхватились и понеслись к двери. Однако дорогу им преградил кряжистый охранник, войдя с улицы. Громко попросил всех оставаться на своих местах до приезда полиции. Все медленно вернулись, с опаской обходя мертвого стрелка, будто боялись, что он сейчас подхватится с пола и снова начнет палить из пистолета.

– Надо скорую, надо скорую! – неожиданно безостановочно затараторила директриса.

Проверив двух мужчин у окна и стрелка на полу, белобровый охранник сказал:

– Все мертвы. Скорая не поможет. Полиция нужна.

Засуетившись, директриса схватила телефон, который протянул ей официант:

– Полиция, полиция, да, полиция! – заговорила сбивчиво. – Позвонить, позвонить... А как звонить? Я забыла.

– Я позвоню! – сказал громко Глеб и достал свой телефон.

– Да-да, пожалуйста, пожалуйста, позвоните, позвоните! – выдохнула с облегчением она и отдала телефон официанту.

Набрав номер Акламина, Корозов коротко объяснил, что произошло в ресторане. Затем связался с начальником охраны и тоже вызвал его в ресторан. Прошелся по залу и остановился над стрелком, долго смотрел на мертвое тело. Кровавое пятно из-под трупа расплылось по светлой плитке пола и показалось Глебу черным. Он убежден был, что заказ у этого стрелка был на его душу. Пистолетные пули должны были оборвать его жизнь. Знать бы этому парню заранее, что здесь оборвется жизнь его самого, – не пришел бы, наверное. Хотя, – стукнуло Глебу в голову, – тогда мог бы прийти другой. Главная персона не стрелок, а заказчик, вот кого надо достать, иначе подобный стрелок может появиться вновь. Между тем напрягла еще одна мысль: какая пуля из травмата оказалась смертельной для стрелка?

Директриса, словно привязанная, тупо следовала за Корозовым.

Переведя взгляд на испуганных женщин, Глеб попросил их сесть за стол. Они дрожащими губами стали отказываться, но директриса следом за Корозовым стала повторять:

– Вы садьте, ну пожалуйста, садьте за стол, ну пожалуйста, – показала на них официанту.

Почти насильно тот оторвал их от стенки и усадил за стол.

Пройдя к столу у окна с мертвыми телами двух мужчин, Глеб напрягнулся, по щеке пробежала морщинка. Именно тут он часто обедал. За этим столом.

Прав был Исай, прав. Сегодняшнее покушение показало, что не только опасно сидеть возле окна, но опасно постоянно выбирать одно и то же место. Возможно, стрелок уверен был, что он будет сидеть за этим столом в определенное время, поэтому допустил ошибку. На этот раз и стол, и время не совпали, и это спутало стрелку карты. Глеб смотрел на мертвые тела мужчин и ощущал вину перед ними. Кто они такие? Надо узнать, есть ли у них семьи, дети. Надо им помочь.

Сейчас, в эти секунды, Глеб сделал для себя вывод, что никогда больше не станет привязываться к одному месту и одному времени. Ибо в таком случае для киллера задача упрощается значительно.

Хмуря брови, Корозов твердой походкой отошел от окна. Директриса осталась стоять на месте, беспокойно всматривалась через стекло, ждала, когда приедет полиция. Однако раньше появился Исай. Директриса, увидев его с охранниками, обрадовалась по-детски, решив, что это и есть полиция. Хотя чему было радоваться, когда в ресторане три трупа? Очевидно, у женщины начиналось нечто, похожее на истерику. Глеб попросил официанта:

– Отведи ее в кабинет. Пусть придет в себя!

Подхватив под руку, тот увлек ее за собой. Она не сопротивлялась – ей было жутко здесь находиться.

Застопорившись в дверях, Исай обвел зал глазами. Наткнулся на настороженные взгляды посетителей. Без пояснений все понял.

– Думаю, ясно, кто его послал! – сказал Корозов. – Но надо быть уверенным на сто процентов! Добудь доказательства! И отыщи, наконец, эту девчонку!

Приехала полиция. Неулыбчивое лицо Акламина было чуть усталым. Серьезные глаза, как всегда, цепки и пытливы. Летний костюм на худощавой фигуре сидел хорошо. Аристарх быстро оценил обстановку, бегло осмотрел трупы, сел за ближайший стол, аккуратно раскрыл записную книжку. Авторучку положил перед собой. Приступил к опросу свидетелей.

В то же время оперативники, проверив карманы и барсетки двух погибших мужчин, достали из них документы. Но на одежде стрелка карманы были пусты.

Сначала Акламин выслушал рассказ Глеба и каждого охранника. Все как будто было ясно. Пока к нему не подошел один из оперативников. Он положил на стол документы убитых мужчин и сказал, прищуриваясь подслеповато:

– Неувязка какая-то, Аристарх, получается.

– Что еще? – спросил тот.

– Если его поливали только из травматов, то раны были бы не такие.

– То есть.

– Посмотри сам. Под капюшоном затылок пробит явно не травматической пулей, и в спине две дырки не из травмата.

Поднявшись с места, Акламин склонился над трупом стрелка. Да, слова опера могли иметь под собой основание. Но подтвердить это могло только вскрытие.

Здрав куртку и рубаху на трупе, опер, нагнувшись, показал:

– Глянь, вот по телу отметины от травматических пуль. Сравни сам.

Выпрямившись, Аристарх распорядился:

– Проверь оружие охранников.

– Уже проверил. Травматы. Обычные травмы.

– Тогда что получается?

– А черт его знает! Загадка!

– Ищите! Переройте здесь всё.

– Само собой, – ответил опер и отошел к остальным.

Вернувшись за стол, Акламин продолжил работу.

Дальнейший опрос посетителей ресторана показал, что быстрота произошедшего застала людей врасплох. Все в основном хорошо увидели уже результат и мало что могли сказать о том, как конкретно все случилось.

Перед покушением веселая и шумная компания из четырех человек теперь как-то сразу вся изменилась внешне. Лица стали постными. Бесшабашность с них осыпалась, как листва с деревьев осенью. Три девушки скукоживались, сидя перед Акламиным и глядя в его строгие неулыбчивые глаза. И почти на каждый вопрос Аристарха пожимали плечами и говорили, что были увлечены разговором между собой, а когда услышали выстрелы, то с перепуга спрятали головы в колени. Их спутник повторил почти то же самое. Впрочем, это было правдой.

Не меньше, если не больше была напугана и молодая пара. Их первый выход в ресторан оказался не очень удачным. Возможно, он надолго отбил у них желание посещать рестораны. Они старались не смотреть на трупы. И сообщить что-либо новое были совершенно не в состоянии.

Несколько больше смог рассказать официант. Он видел, как стрелок вбежал, оттолкнул чопорных женщин, выхватил пистолет и сразу начал стрелять в мужчин за столом у окна. Следом по нему стали палить из стволов охранники Корозова. Но после этого официант спрятался за стойку бара и высунулся из-за нее лишь тогда, когда стрельба прекратилась. В общем-то, официант подтвердил рассказ Глеба и его охранников.

Когда перед Аристархом предстали две чопорные женщины, он попросил одну из них подождать, а второй предложил присесть напротив. Но они обе запротестовали.

– Нет-нет, – сказала женщина с голубой косынкой на шее. – Мы всегда вместе.

– Да-да, – подтвердила другая, с розовой косынкой. – Мы вместе, только вместе. Вы уж, пожалуйста, допрашивайте нас вместе.

Пришлось с их просьбой Аристарху согласиться. Они рассказывали, не перебивая друг друга. И в конце женщина с розовой косынкой смущенно, что не очень вязалось с ее возрастом, как будто она придумывала или ей показалось, проговорила:

– Вы знаете, товарищ следователь, даже не знаю, как вам сказать.

– Я не следователь, – вежливо поправил ее Акламин. – А вы говорите, как есть.

– Вот я и говорила подруге, как есть, а она думает, что это у меня помутнение в голове произошло после того, как я упала. Но помутнения никакого не было, товарищ следователь... извините, товарищ не следователь. Я видела своими глазами. А она думает, что вы будете смеяться надо мной.

– Что вы видели? Смеяться я не буду, не волнуйтесь, – пообещал Аристарх.

– Когда тут началась стрельба, – продолжила ободренная женщина, – я лежала на полу лицом к двери. И увидела, как дверь приоткрылась и высунулась рука с наганом. И наган стал стрелять. Ей-богу, товарищ не следователь, наган стрелял! Я не обманываю. Я не умею обманывать. Мне воспитание не позволяет быть лгуньей.

– Стоп, стоп, стоп! – вскинулся Акламин. – Вы говорите, что вы видели, как в дверную щель просунулась рука с пистолетом и прозвучали выстрелы?

– Можно сказать и так, – подтвердила женщина. – Только выстрелов я не слышала от наганов, а как будто фыркала кошка.

– Фыркала кошка? – переспросил Аристарх. – Ах, да. Глушитель. Ствол нагана был длинный, ведь так?

– Да. А откуда вы знаете?

– Потому что я не следователь. Спасибо вам за информацию. Вы очень нам помогли. Благодарю вас!

После этого недоумение оперативника превращалось в четкую определенность.

Взяв с опрошенных людей паспортные данные, Аристарх отпустил их. И посадил перед собой охранника, который до перестрелки стоял снаружи. На голове у того уже была повязка, наложенная кем-то из работников ресторана. Он, чувствуя себя виноватым, прятал глаза вниз. Объяснил, что видел, как подъехала машина, как из нее пулей вылетел парень в куртке с капюшоном на голове. Вбежал на крыльцо, спросил время и, когда охранник глянул на часы, удалил его чем-то по голове. Вот и всё. Однако номер машины запомнил. Назвал его.

Пока Акламин занимался опросом свидетелей, Глеб за соседним столом сдержанно ждал, когда тот закончит. Исая у дверей ресторана что-то говорил охранникам. Те кивали и поглядывали на Глеба. Директриса, возвратившись в зал, потерянно топталась у стойки бара, явно не зная, чем она может быть полезна полиции. Опера вызвали криминалистов и сообщили в прокуратуру. Закончив с опросом свидетелей, Аристарх устало вздохнул и закрыл записную книжку.

Из-за соседнего стола поднялся Глеб и пересел к нему.

– Что думаешь обо всей этой истории? – спросил его Акламин.

– Здесь и думать нечего, Аристарх! – уверенно сказал Глеб. – Это покушение было организовано на меня. Киллер стрелял по столу, за которым я всегда обедал в этом ресторане. Ворвался и сразу без оглядки начал гвоздить по тем, кто сидел за столом, пока не разглядел, что меня там нет. Чистая случайность, что сегодня за ним оказались посторонние люди.

Придвинув к себе паспорта убитых, Акламин раскрыл их, пробежал глазами, снова взглянул на Глеба:

– Ты уверен, что это случайные люди?

– Абсолютно.

– Приму твои слова к сведению, но проверю, кем были убитые. Ты кого-нибудь подозреваешь?

Качнувшись на стуле, Корозов, сдержанно жестикулируя, твердо произнес:

– Не только подозреваю! Знаю наверняка! Это Дусев! Ты сейчас спросишь, какие у меня доказательства? Есть доказательства! Точнее, не доказательства, а повод утверждать это!

Оживившись, Аристарх снова взялся за авторучку.

Рассказав ему об угоне машины, о Лешем, Глеб посмотрел выразительно и ожидающе. Сделав паузу, словно раздумывая, какие действия предпринять, оперативник вымолвил:

– Я заберу у тебя этого парня. Поговорю с ним сам.

– Он тебе ничего не скажет! – запротестовал Глеб. – И по вашим правилам ты его отпустишь! А я из него вытряхну все, что мне нужно! Будь уверен!

Неулыбчивое лицо Акламина было непроницаемым и неуступчивым одновременно:

– По нашим правилам, – серьезно ответил он, – если у Лешего есть нужная нам информация, он ее всю выложит нам! И потом, не нарушай закон! А то мне придется тебя привлечь за противодействие правоохранительным органам.

Пальцами побарабанив по столу, Корозов усмехнулся:

– Ладно, черт с тобой! Забирай! Только сначала расскажи: что у тебя есть новенького по ДТП? Какие результаты?

Прижавшись к спинке стула, Аристарх положил в карман пиджака записную книжку с авторучкой, обвел глазами зал. Директриса, заметив это, взволнованно подалась от барной стойки вперед, думая, что полицейский ищет взглядом ее. Но когда, скользнув по ней, взгляд ушел в сторону, она вновь отступила, нервно дергивая платье-костюм. Официант возле нее вытянулся по стойке смирно, готовый в любую секунду сорваться с места по первому призыву.

Дальше, правее от барной стойки, в уголке, стояла небольшая группа других работников ресторана, которые не были свидетелями происшествия, но которых привело сюда любопытство и удерживало в зале. Оперативники рядом с трупом стрелка что-то накоротке негромко обсуждали между собой.

Красиво оформленный, сверкающий белизной зал как будто притих и скукожился. Облокотившись на столешницу, Аристарх проговорил:

– Немного, но есть. По отпечаткам пальцев определили, что погибший в ДТП водитель – это уголовник Миша Зуб. Уже имел две короткие ходки. Пистолет, который был при нем, со своей историей. Из этого ствола совершено убийство. Вот так. Предположительно (пока предположительно) Миша был подручным Дусева. Если это подтвердится, тогда нити могут потянуться к Папе. Но пока ни с какой стороны к нему не подступиться. Мои догадки по девушке, которая ехала с Зубом, могут оказаться верными. Не исключено, что Зуб вез любовницу Дусева. Вопрос: почему и кем Зуб был ранен, и куда девушка исчезла после ДТП? Если твоя версия по угону машины и по сегодняшнему нападению не ошибочна, тогда появятся вопросы к Папе. Кстати, есть информация, что на Дусева было совершено покушение возле ресторана «Млечный Путь». Так что, как видишь, у Папы тоже не все спокойно.

Вечером этого дня Исай по команде Корозова передал Лешего оперативникам Акламина. Но надежда на то, что водитель Папы в полиции быстро расколется, не оправдалась. Леший и в полиции не сразу заговорил. Поначалу упорно твердил, что случайно очутился около автомашины и вообще не понимает, о чем идет речь.

И тогда Аристарх сделал хитрый ход. Объявил ему, что знает о покушении на Папу и подозревает, что оно совершено по наводке Лешего. Что Папа также может так думать. И сейчас ищет своего водителя – наверняка для того, чтобы свернуть ему шею. На Лешего это подействовало, как красная тряпка. Он испугался. Хотя еще некоторое время надувал щеки, показывая возмущение, и бубнил, что такими дешевыми ментовскими штучками его не проведешь.

Между тем Акламин уловил в его голосе надлом. И продолжил давить сильнее. Наконец мало-помалу раскрутил. Леший сообщил подробности покушения на Дусева возле ресторана, и почему сам оказался около машины Корозова.

– Ты не ошибся, что именно из этой машины стреляли в Папу? – переспросил Аристарх.

– Я, начальник, слышь, если что пробазарил, это железно! – уверенно ответил Леший. – Я, как тебя сейчас, видел номер на этой железке возле ресторана.

Итак, если верить Лешему, получалось, что машину Корозова угоняли не Папины люди, что подозрения Глеба на Дусева были беспочвенны. Сделал это кто-то третий, и умело подставлял Корозова. Вполне возможно, хотел списать на него убийство Папы, если бы таковое свершилось, а при неудаче отдать Глеба на растерзание Дусеву. В любом случае, этот третий все замыкал на Корозове. И случившееся в ресторане подтверждало такие выводы.

Чтобы остановить подобное развитие событий, Аристарх решил сам встретиться с Дусевым. От Лешего получил его телефон и связался с Папой.

От встречи Дусев не отказался, только предупредил, что сможет не раньше, чем через два дня.

За эти два дня Папа заставил поработать над собой врача Кагоскина и в назначенное время сидел в загородном доме за столом, уставленным фруктами.

Калитку Аристарху открыли охранники Дусева. Один из них, проверив, нет ли при нем оружия, проводил в кирпичный дом. Акламину бросилось в глаза, что дом был небольшим, но красиво оформленным снаружи. С высоким крыльцом и фасонными перилами. Во дворе не бегали злые собаки, как бывает у части криминальной братвы. И машин не видно было. Лишь лениво топталась охрана. Территория перед домом вся в цветной тротуарной плитке, чисто прибрана. В закрытой веранде, где за столом расположился Дусев, тоже чистота. Чувствовалась, что в доме поработали женские руки. Однако женщин Аристарх не заметил. На небольшой веранде стояли стол со стульями, диван, шкаф для одежды и несколько искусственных деревьев в горшках.

Высокий лысоватый спереди, с легкой проседью на висках, тщательно выбритый, Дусев поднялся навстречу Акламину. Черная рубаша и белые брюки безукоризненно сидели на его спортивной фигуре. Показал на стул напротив и хрипловато напористо произнес:

– А я тебя помню, начальник. Ты тоже в свое время приложил руку к моей посадке. Ну, да я зла не держу. – Выпятил тонкие губы. – Что было, то прошло. Жизнь, она все расставляет по своим местам. Каждому возвращает сполна.

– Ну, какое же там было зло? – не согласился Акламин, неулыбчиво ломая его властный взгляд. – Все поделом, по заслугам. По своим местам.

– Почта принесла, что ты честный мент. Нигде не замарал себя. Мало теперь таких встречается. Садись, коль пришел! – Он поморщился. – Смотрю, молодость-то прошла, начальник. Скажу правду: не испытываю удовольствия от нашей встречи.

– Да и ты моложе не стал, – ответил Аристарх. – И не для удовольствия я решил повидаться с тобой! – Он, расстегнув пуговицы пиджака, сел на предложенный стул. – Есть дела серьезнее.

Дусев тоже опустился на мягкое сиденье. Акламин обратил внимание, как осторожно он это сделал, при том на тяжелом, как монолит, лице не дрогнул ни один мускул. Он явно терпел боль от раны, о которой Аристарх знал от Лешего, но сжимал себя в кулак. Сосредоточенно спросил:

– И что это у тебя за дела ко мне? Надеюсь, ты понимаешь, что гусь свинье не товарищ?

– Про гусей и свиней да, – подтвердил Акламин и заметил: – но мы-то с тобой Homo sapiens! – Затем, не дожидаясь реакции Дусева на свое уточнение, сразу заговорил о сути вопроса: – Недавно мне пришлось узнать одну историю, которой я решил поделиться с тобой!

– Со мной? – Папа собрал вокруг глаз морщинки. – С чего бы вдруг?

– Не вдруг, – поправил Аристарх, – а как с человеком многоопытным! Захотелось услышать твое мнение.

Скрестив на груди руки, Дусев приподнял подбородок:

– Это что, откровения мента? Только прошу не забывать одного: я никогда не просил помощи у ментов, и пусть менты не ждут моей помощи!

Приняв намек Папы, Акламин сделал паузу и неторопливо проговорил:

– Полиция сама способна решать свои вопросы! Но полиция, в отличие от вашей братвы, способна помогать другим людям. К тому же никогда ни от чьей помощи не стоит отказываться, если она идет от чистого сердца. Я придерживаюсь такого принципа.

– У каждого свои принципы! – ответил Дусев.

– А история такая, – продолжил Аристарх, поправив ворот синей рубахи и полы летнего пиджака. – Произошла она совсем недавно. Было так. У одного из предпринимателей города, Глеба Корозова, прямо от офиса угоняют автомобиль. Его охрана начинает поиски по городу. А на следующий день после угона, вечером, этот автомобиль появляется рядом с рестораном «Млечный Путь» и из салона автомобиля из автомата обстреливают другого человека. Водитель этого другого человека пускается в погоню за машиной, из которой покушались на жизнь его босса. Уже в сумерках охранники Корозова и водитель другого человека сталкиваются в глухом переулке у брошенного автомобиля. Люди Корозова захватывают этого водителя, подозревая, что он угонщик. Узнают его кличку – Леший. Корозов думает, что его автомобиль угоняли по команде босса Лешего. Но он не понимает, зачем это сделано. А днями позже, во время обеда, в другом ресторане происходит покушение на Корозова. Только по чистой случайности киллер промахнулся, но сам при этом погиб. И снова Корозов полагает, что покушение на него устроил босс Лешего. После всего Леший оказывается в руках полиции. Но что он может знать? Вероятно, ничего. Вот я и решил посоветоваться с тобой. Услышать твоё мнение об этой истории.

Сосредоточенное мрачное молчание стало ответом Дусева на рассказ Акламина. Папа переваривал услышанную информацию. Она отличалась от той, которая была у него. Наконец, прервав паузу, он произнес:

– История, конечно, интересная. Не понимаю только, зачем ты её мне рассказал? Но раз уж ты захотел услышать моё мнение, то я скажу. Мне думается, Леший к этой истории совершенно не имеет никакого отношения. Я бы на твоём месте не морочил себе голову.

– Пожалуй, не буду, – не улыбаясь согласился Аристарх. – Ну а по существу?

– По существу, – хрипловато весомо выдал Папа, сверля взглядом Аристарха, – мне кажется, что тот человек, о котором ты говоришь, должен подозревать в покушении на себя Корозова. Это справедливо. Однако, судя по твоим словам, на самом деле всё было не так! А ты уверен в том, что всё было не так?

В серьёзных не улыбающихся глазах Акламина не было и капли сомнения:

– Я всегда отвечаю за свои слова. А ты как думаешь, что должен сделать босс Лешего, если получит эту информацию?

Хорошо понимая, что хочет услышать от него полицейский, Дусев сказал:

– Ментам верить – последнее дело! Мне кажется, если бы такая информация к этому человеку попала от иного мента, человек бы слушать её не стал. Но о тебе у братвы хорошее мнение. Ты всегда ведёшь честную игру, и братва ценит тебя за это. Мне кажется, этот человек должен подумать над твоей историей. Но он, наверно, спросил бы у тебя: а кто же тогда, по твоему мнению, заказывал стрельбу из автомобиля Корозова?

– Вот в этом мне предстоит разобраться! – сказал Аристарх. – И не только мне, но и тому человеку. Я думаю, ему придется крепко поломать голову. Покопаться среди своих: кто и с какой целью лбами сшибает двух людей?

После короткого раздумья Дусев молчком стал на ноги, давая понять, что разговор на этом закончен. Видя, что Папа принял его информацию положительно, Акламин тоже поднялся со стула, застегнул пиджак на все пуговицы. Хмурым взглядом Дусев проводил его до двери. После чего расслабился, шагнул к кожаному дивану, лег и властно позвал:

– Лекарь, ну где ты там?

Тут же перед ним возник врач Кагоскин с черным потертым портфелем в руках, выскользнув из-за стеклянной двери в дом. Он быстро расстегнул пуговицы на черной рубашке Папы. Распахнул и покачал головой: через бинты проступили пятна крови. Дусев прикрыл глаза. Врач проворчал:

– Зачем нужна была эта бесполезная встреча с ментом? Я же просил тебя отсрочить хотя бы на пару недель! Не бережешь ты себя, Папа! Надеюсь, ты не поверил бреду этого мента?

Не отвечая, Дусев лежал с закрытыми глазами и ломал голову над полученной информацией. Она внесла разброд в его душу. Если не Корозов, то кто организовал покушение на него? Кто так заинтересован в его смерти? Этот вопрос заставлял его заскрипеть зубами.

Вытащив из своего портфеля и разложив на столе инструменты и ампулы с лекарством, Кагоскин наполнил шприц, приговаривая:

– Потерпи, Папа, потерпи! Сейчас будет легче! – И ввел в него иглу.

Услышав от Акламина, что тот встречался с Дусевым, а потом выпустил Лешего, Глеб сдержанно, но возмущенно произнес в телефон, вскочив из рабочего кресла:

– Ты кому поверил, Аристарх, – бандиту? Чем он тебя умаслил? Нашел же ты себе приятеля – Дусева! Я прав был, когда не хотел отдавать тебе Лешего! Уверен был, что ты ничего из него не вытянешь. А я бы вырвал, зубами бы вырвал! Больше не надейся, что я тебе помогать буду! Сам разберусь в своих делах! Дусев на меня устраивает покушение, а ты его подручного цехоньким возвращаешь ему! Это что, новые методы работы полиции, или новые принципы? Выпускай бандитов, чтобы другие боялись! Отлично! – Глеб шумно выдохнул воздух, твердой походкой прошелся по кабинету, снова сел.

Спокойно выслушав его, плотно прижимая свободную ладонь к столешнице, Акламин, уставив не улыбочивый взгляд в одну точку на стене кабинета, ответил:

– Наш главный принцип – это защита граждан от преступников, в том числе тебя, вне зависимости от того, нравится тебе это или нет! И ты не горячись, поскольку твоя горячность может только навредить делу! Прошу тебя: если что-то появится новое, звони мне немедленно!

Отключив телефон, Глеб вновь поднялся из-за стола, оперся кулаками на крышку и затих на короткое время, нагнув голову. Противоречия разрывали.

И тут мысли его вновь оборвал звонок телефона. Звонил Исай:

– Мы напали на след Вики! – сообщил он. – Сейчас находимся возле ее дома.

Оживившись, Глеб сказал всего два слова:

– Не упусти.

Дом был старый, панельный, пятиэтажный, серый и неприглядный. Пустой запущенный двор. На детской площадке разбитые детские качели, песочница без песка, лесенка с поломанными ступенями. Тусклые бетонные цветочные вазы у облезлых скамеек перед подъездами. Ободранные урны переполнены мусором.

Из-за угла показалась пара пьяненьких мужчин, внушающих что-то друг другу.

Быстро войдя в обшарпанный подъезд, Исай с двумя охранниками поднялся на этаж. Охранник, идущий впереди, показал ему на коричневую дверь квартиры, в которой жила Вика. Рассредоточились вдоль стены, чтобы в глазок никого не было видно. Охранник подошел к соседней квартире и негромко постучал в зеленую дверь. Та через минуту скрипнула, и из нее выглянула пухленькая невысокая Верка с лохматой головой, голыми плечами и грудью. Окинула всех коротким взглядом, прошептала:

– Пришли? Быстро вы! Я сейчас. – Опять скрылась за дверью и показалась еще через минуту уже в цветном ярком халате, с приглаженными черными волосами и пушистым хвостиком на затылке.

– Дома она? – негромко спросил охранник.

– А где ж ей быть? – уверенно ответила Верка и шмыгнула к соседней двери, нажала кнопку звонка.

Из-за двери никто не ответил – тогда Верка стукнула в дверь костяшками пухленьких пальцев, заговорщицки позвала:

– Валентина! Открывай!

Прошло минуты две, и дверь наконец медленно открылась. Верка толкнула ее сильнее и проворно юркнула внутрь. Исай услышал, как она проговорила:

– Валентина, я привела твоих знакомых. Говорят, помочь тебе хотят. Встречай!

Не успев ответить, Валентина увидела в дверях Исай. Испуганно отшатнулась, округлила глаза – она видела его впервые. Узкое лицо с колкими холодными глазами заставило вздрогнуть. Но за ним показались двое парней, которых вспомнила, – их видела возле Корозова после аварии на дороге.

– Узнаёшь? – Верка показала на них.

Один из охранников улыбнулся:

– Узнала, конечно. Ты что же это, Вика-Валентина, искать себя заставляешь? Смылась, а адресок оставила неверный. Зачем врала-то? И имя у тебя другое, оказывается, а мы весь город избороздили! А лицо-то у тебя уже получше – заживает.

Затравленно посмотрев на Верку, хлопая длинными ресницами, Валентина прижалась спиной к выцветшей стене в тесной прихожей с крючками в углу, зеркальным трюмо и подставкой для обуви, и выдавила из себя:

– Все-таки ты стерва, Верка! Нельзя было доверять тебе! Я же тебе заплатила, а ты обещала.

– Так они больше заплатили! – дернула плечом Верка. – И потом, это же не менты, это твои знакомые! Чего канючишь?

– Так и будем в дверях стоять? – спросил Исай, прерывая их препирательство. – Приглашай, Валентина-Вика. И скажи мне свое настоящее имя!

Ничего не ответив, Валентина через прихожую боком двинулась в комнату, поглядывая на Исай с опаской. Тот с любопытством смотрел на девушку: симпатичная, стройная, в джинсах и черной майке, волосы не очень черные, но и не русые – что-то между. Пожалуй, ближе к пепельному цвету. Короткие, причесанные. Внешность вполне вызывала доверие.

Пройдя вместе с охранником следом за Валентиной в полупустую, с одним диваном, шкафом и тремя стульями комнату, Исай обратил внимание, как девушка быстро взяла себя в руки и пригласила их сесть. Но он отрицательно качнул головой:

– Рассиживаться нам некогда. Собирайся.

Дрожь пробежала по телу Валентины:

– Куда еще? Никуда я не пойду! Спрашивайте, что хотели знать, зачем искали?

Крадучись, незаметно из прихожей на площадку выскользнула Верка, слегка притворив за собой дверь. Оставшийся в прихожей крупный охранник с высоким лбом прикрыл ее плотнее. Исай в комнате серьезно сказал:

– Вопросы к тебе не у меня. Ты не упрямься. Сейчас тебе лучше быть под нашей охраной. Тебя теперь многие ищут – ты сразу всем понадобилась. И полиции, и бандитам. Мы, к счастью для тебя, не те и не другие. Так что не раздумывай.

Продолжая стоять без движения, Валентина продолжала озадаченно хлопать ресницами. Оглянулась вокруг, будто искала, во что переодеться, а потом пожала плечами:

– А что мне собираться? Я уже собрана.

В эту минуту в прихожей входная дверь сильно распахнулась, ударив по спине крупного охранника. Тот громко ругнулся, обернулся и наткнулся на черный ствол пистолета. В дверном проеме стоял колченогий крепыш, сжимая рукоять оружия. Рядом с ним замерли еще двое со стволами. Колченогий громко предупредил:

– Спокойно, пацан, базара не будет! Мы забираем девку и уходим! Где она? Подгони ее нам – мы эту мочалку давно ищем. Скажи остальным, что к вам у нас вопросов нет! Не рыпайтесь и за пушками не дергайтесь. Оставьте их в покое. Не надо понты бросать – наши стволы пальнут быстрее, чем вы сунетесь за своими!

Трое – Исай, Валентина, охранник с плотно сомкнутыми губами и безудержно бегающим взглядом – притаились в комнате. Парни вытащили травмы. Исай прижал к губам палец,

предупреждая Валентину, чтобы не плакала. Потом показал ей на угол, направляя туда. Сам с охранником остался у двери.

Присев в углу, Валентина сжалась.

Находившийся в прихожей крупный охранник сразу узнал крепыша. Тот тоже узнал его. Сталкивались во время встречи Глеба и Дусева на берегу реки. Охранник усмехнулся:

– Ты чего не здороваешься, отмороженный? Не узнал?

Посмотрев на него как на пустое место, колченогий пренебрежительно покривил губы:

– Не будем базлы разводить, не путайся под ногами. Передай своим пацанам: тут дело не для серых козликов! – После чего повторно потребовал: – Второй раз базарю: девку выводи сюда!

Осознавая, что его человек в прихожей находится под прицелом, Исай решил сам вступить в диалог с крепышом, чтобы разрядить обстановку. Подал из комнаты голос:

– Ты про какую девку языком молотишь? Которая у меня под стволом? Тебе в какую обертку завернуть ее?

Колченогий повел глазами в сторону комнатной двери:

– Это еще что за петух раскукарекался?! Покажись!

– Зайди сам! – спокойно и жестко отозвался Исай. – Я приглашаю!

С ужасом посмотрев на Исаю, Валентина съежилась еще больше, окаменела, широко раскрыв глаза. Начальник охраны вновь приложил к губам палец.

Зло дернувшись, крепыш с угрозой пообещал Исаю:

– Твой козел у меня на мушке. Не отдашь девку – получишь труп!

– Ну зачем же так грубо? Сразу про трупы! – тем же тоном ответил Исай. – У меня расклад такой, что в таком разе второй труп будет девкин, а третий – твой! Тебя устроит такой вариант? Думаю, нет. Но расклад есть расклад. Так говорят карты!

– Какие еще карты? – выкрикнул колченогий. – Что ты мне мозги пудришь? Отдай девку, козел, или я порешу твоего барана! А потом достану тебя!

– Ну, про меня тебе бабка надвое сказала, – отозвался Исай. – Зря паришься! Будешь дальше выделываться – живую девку не получишь! Развела тебя Верка на бабло, развела!

Напряжение нарастало. Исай сообразил, что бандиты здесь появились по наводке Верки. Та продавала любую информацию на корню каждому, кто больше заплатит. Хитра, бестия! Всех привела в одно время. Никто не обвинит в обмане. А уж кто пан, а кто пропал, разбирайтесь сами.

Озадаченный, крепыш закрутил мозгами, думая, что предпринять. Таких сложностей он не любил. По поручению Папы разыскивал Александру. Наткнувшись на Верку, услышав ее рассказ, решил, что здесь может быть Папина краля. Его не смутило, что Верка называла ее Валентиной. Александра могла назваться любым именем и иметь не одну тайную квартирку. В этом не было ничего необычного. Верка сказала, что ее разыскивали менты и называли третьим именем. Ну что ж. Это еще больше походило на Александру. А то, что здесь сейчас оказались другие пацаны, охотники на девку, убеждало: он у цели.

Она нужна была ему живой. Если с ее головы упадет хоть один волос, Папа разделает его, как цыпленка табака. Такими тонкими делами прежде занимался Миша Зуб. У того были свои подходы. Он же всегда был в тени и выпорхнул лишь после гибели Миши. Поэтому погореть с самого начала ему никак нельзя.

Извилины мозга закручивались в спираль от напряжения. Проще было жахнуть из ствола – так было привычнее. Но получить затем труп девки значило подписать приговор себе. Чертова загадка для мозгов! Что это за кобелек так круто заваривает в комнате? погоди, твой черед тоже придет! А пока... Пока Колченогий уставился на охранника, который стоял перед ним, как натянутая тетива. Не отрывая глаз, выдохнул:

– Подними лапы, козел, и не пытайся разводить базар – пушу в расход! Заодно с тем хрюкалом, который заливается в комнате! – Потом бросил одному из двоих подручных, стоявших за спиной: – Обшарь его, Захар, замети пушку!

Медленно охранник поднял руки. Захар угрюмо сунул свой ствол за пояс и, переваливаясь, как пингвин, подошел к охраннику. Потянулся руками, чтобы достать оружие из-за спины парня. Но охранник вдруг стремительно схватил руку Захара, вывернул, выдернул у него из-за пояса пистолет и направил ему в висок. Сказал крепышу:

– Не кобенься, иначе вышибу ему мозги! Ствол – на пол!

Не поведя даже ухом, колченогий презрительно pokrивился, проговорил:

– Зря ты это затеял, козел! Нам нужна только девка! Могли бы обойтись без базара!

Смекнув, что произошло в прихожей, Исай почувствовал, что сейчас может начаться стрельба, поэтому попытался отвлечь внимание крепыша на себя:

– У меня к тебе предложение! – сказал громко.

Но крепыш, не раздумывая, нажал на спусковой крючок. Прозвучал хлопок – ствол выплюнул пулю. Колченогий нажал еще раз. Прозвучал второй хлопок. Новая пуля пошла следом за первой.

Первая пуля угодила в живот Захару. Колченогий убирал преграду и показывал этим, что его ничто не остановит. Вторая пуля разорвала Захару горло. Хлынула кровь. Его тело, судорожно дергаясь, повалилось вперед, открывая охранника. Колченогий усмехнулся, держа того на мушке.

В эту секунду в дверях комнаты возник Исай, его пуля из травмата ударила крепышу в грудь. Тот взвыл и, падая, разрядил всю обойму в сторону Исая. Но начальника охраны уже не было в дверном проеме – он мгновенно скрылся за косяком.

Выронив пистолет, цепляясь за тощего и длинного, как жердь, подельника, колченогий прохрипел ему:

– Помоги, Жека!

Но тут произошло неожиданное: Жека оттолкнул крепыша и выстрелил ему в голову. Тот, как мешок, рухнул на пол. А Жека большими прыжками кинулся вниз по лестнице.

За ним стремительно, перепрыгнув через труп крепыша, на площадку выскочил крупный охранник. Но Жека, беспорядочно отстреливаясь, уходил. Охранник ощутил, как ему обожгло бок, и, падая, выстрелил дважды в ответ. Жеку садануло в лопатку – он споткнулся и полетел головой вперед на межэтажную площадку. Ребро радиатора отопления на стене приняло на себя удар головой Жеки. Висок обагрился кровью.

Выскочив из квартиры, Исай наклонился над охранником, увидел окровавленный бок. Парень сморщил лицо:

– Зацепил, зараза!

Из квартиры, плотно сомкнув губы, выглянул охранник, который был в комнате вместе с Исаем. Его глаза безудержно бегали вокруг. Исай помог раненому охраннику сесть, привалившись к стене, сказал выглянувшему из квартиры:

– Надо перевязать его. Пускай девчонка найдет у себя чем. А я пока вызову скорую. – Полез в карман за телефоном и спустился вниз к телу Жеки. Проверил пульс, качнул головой. – Был Жека, и нет Жеки.

В это время, вернувшись в комнату, охранник ошарашенно забегал глазами, закрутился волчком, а затем громко прокричал:

– Сбежала, шалава!

Бросившись на крик, Исай увидел распахнутую настежь балконную дверь. Метнулся на балкон, посмотрел вниз – второй этаж. Неужели рискнула спрыгнуть? Не может быть! Невероятно! Углядел прицепленный за прут ограждения мужской ремень, спущенный вниз. Сплюнул

от досады. Рисквая девица оказалась. Никогда бы не подумал, видя, как она дрожала, присев в углу комнаты. Шустра, отчаянна. Заскрипел зубами.

Получив эту информацию, всегда сдержанный Глеб от возмущения долго не мог успокоиться. Пигалица обвела вокруг пальца Исая, ударила мордой об лавку.

Выехавший на вызов Акламин, выслушав Исая, осмотрев трупы, жилье и подъезд, был не меньше Глеба удивлен побегом девушки. Не понимал: какого дьявола она прячется и бежит от них, как черт от ладана?

Обыск квартиры не приблизил к разгадке. Так, кой-какая одежонка. Правда, сняли отпечатки пальцев. Впрочем, Аристарх не надеялся, что эти отпечатки будут в картотеке. Девушка молодая, вряд ли имеет криминальную историю. Скорее бежит с перепуга. Хотя удивил еще момент: не было никаких бумаг, документов, денег. Сбежала впопыхах, но ничего не оставила, как будто все с собой носила.

Оставив в квартире засаду, Акламин рассчитывал, что девушка может еще появиться там. Однако просидели неделю, но никто не возникнул. Стало ясно, что девушка больше в этой квартире не появится. Хозяйка, сдававшая квартиру Валентине, на все вопросы только пожимала плечами. Рефреном звучала одна мысль: я в чужие дела не суюсь, в паспорта не заглядываю, мне главное, чтобы оплачивали проживание.

Как и предполагал Аристарх, отпечатков пальцев девушки в картотеке не нашлось.

И никаких доказательств против Дусева, несмотря на то что трупы были его подручных. Все запутывалось в сложный клубок.

4

Весточку о гибели своих людей Дусев получил быстро. Стало известно, что положили его подручных не менты, отсюда Папа для себя сделал вывод, что, по всей видимости, это были люди Корозова. Больше некому. А девушка пропала. Папа не сомневался, что это была Александра, – она была увертливой, могла смыться, но точно так же могла оказаться в руках Корозова. Сейчас он нещадно корил себя, что в спешке не узнал у крепыша, от кого тот принял информацию о местонахождении Александры. Не мог теперь покопать глубже. Не совсем понимал, почему Александра прячется от него. Не отвечает на телефонные звонки и не звонит сама. Шевельнулась, правда, какая-то задняя мысль, что, скорее всего, отводит ментов от него. Возможно, до ДТП где-то с Мишей наследили.

Слушая информацию, Дусев с мрачным тяжелым лицом недвижимо лежал в комнате на диване. Мебели вокруг немного, но вся дорогая. На стенах картины в резных рамах. Рядом с ним, выставив вперед острый подбородок, высоко вскинув голову, сидел врач Кагоскин. Внешне Папа был спокоен, не показал вида, что неудача привела его в бешенство. В конце доклада принесший весть Ваня Кот, широченный в плечах и узкий в бедрах, с блеклыми глазами и взглядом исподлобья, выразил сожаление по поводу гибели колченогого крепыша. На что Папа отреагировал властно и зло:

– Подставился, дурак, не сумел развести стрелку – туда ему и дорога!

Как-то мигом поникнув, Ваня стал похож на побитого пса, словно поджал хвост и, пятясь, убрался за двери, оставив их приоткрытыми.

– Ты слышал? – хмуро посмотрел на Кагоскина Дусев.

– Мое дело телячье, Папа! – уклончиво отозвался тот. – Я лечу тебя и твоих людей, для прочего мои уши пробками забиты!

– Ты меня за баклана держишь? – словно ударил под дых тяжелым недоверчивым голосом Папа.

Торопливо изогнувшись, оттопыривая зад, врач на миг замер, длинное лицо вытянулось еще больше, близко посаженные глаза словно сошлись к переносице:

– Папа, я не интересуюсь твоими делами, – наконец вытолкнул из себя, – мне своих делишек по горло хватает! Тебя вот надо на ноги поставить!

– Не фасонь передо мной! – скосился Дусев, отчего неровная кожа на лице стала более грубой. – Что скажешь по этой информации?

– Ты оказался прав, Папа! – осторожно ответил Кагоскин. – Корозов, шкура, прикрывает Александру. Боюсь, ты и по-другому поводу прав, Папа. Наверно, Мишу они вместе угробили! И по твоим монетам они наверняка вместе кашку варят. Ты бы поручил проверить: может, этот неизвестный Виктор – человек Корозова?

Опустив ноги с дивана, морщась от боли, Папа сел, глядя на Кагоскина удивленным сверлящим взглядом. Он внимал его словам, но явно не принимал его мысли:

– Ты это все только сейчас выдумал или давно вынашиваешь, лекарь? Я тебе такого не говорил! – Задумался на некоторое время, после чего хрипловато бросил: – Твоя логика ущербна, лекарь! Ты на Александру не наговаривай. Она хоть и молодая, но ветра в голове у нее нет. Со мной вступать в конфликт не станет. Еще неизвестно, на каких дрожжах у нее заварилась каша с фармазонщиком.

– Прости, Папа, я не это имел в виду, – проямлил врач.

– Вижу, что ты имел в виду! – отрубил Дусев.

– Ты бы лежал, Папа! – угодливо засуетился Кагоскин. – Так быстрее все заживет! Ты всем нам живой нужен!

Снова погрузившись в себя, Папа скрестил на груди руки. Этот неприметный, но старательный врач нравился Дусеву; иногда, правда, его заносило, как, например, сейчас, но иногда он подбрасывал Папе свои мысли, над которыми тот начинал раздумывать и находить здоровое зерно. О том, что Виктор может быть человеком Корозова, Папа прежде не помышлял. Но вот теперь Кагоскин забил клин. А почему, собственно, этого не должно быть? Надо проверить, и если это подтвердится, тогда прояснится роль Корозова в афере с коллекцией монет. Тогда можно будет принимать бесповоротное решение, как поступить с ним. Сначала, конечно, нужно вернуть монеты, а уж потом сам черт не брат! Ну а за то, что охрана Корозова положила его подручных, Корозову придется воздать с лихвой. Откладывать в долгий ящик этого нельзя, недопустимо. В таком случае его авторитет будет поставлен под сомнение.

Пригнувшись к Дусеву, врач доверительно проговорил:

– Тебе надо быстрее встать на ноги, Папа, чтобы разобраться со всеми. Нужны положительные эмоции! – Смекнув, какие мысли мучают Папу, он вкрадчиво заметил: – У Корозова, говорят, красивая жена, он любит ее до потери пульса, и утратить ее для него было бы ударом на всю жизнь.

Раскусив, к чему клонит Кагоскин, Дусев недовольно выпятил тонкие губы. Папе не понравилась эта мысль. Он вообще не любил отыгрываться на бабах – считал, что это не соответствовало его положению. Бить всегда должно по главной цели, а щипать через жен и любовниц – это дело недостойное.

Как будто опять сметив, над чем ломает голову Папа, все же неплохо он изучил его за тот период, пока пользовал от ран и болячек, Кагоскин как бы незаметно напомнил:

– Бабы разные есть, Папа. От иных бывает вреда больше, чем пользы, а иных нужно еще при рождении удушить!

Вдруг Папе пришло на ум, с чего начиналась история с монетами. Как-то раньше совсем вылетело из головы, что первый раз о коллекции он услышал от Александры. А та где-то подхватила слухок. Уж не от фармазонщика ли? С этого и закрутилось все. Но при чем тут рассуждения Кагоскина о бабах и о жене Корозова? Тот определенно изо всех сил старается помочь.

– Ты что же мне предлагаешь, пустить в расход жену Корозова? – угрюмо спросил Дусев.

– Ни в коем случае, Папа, – интенсивно отрицательно замотал головой врач, – это было бы неразумно! Как я могу тебе предлагать? Ты – Папа. А я – кто? Это тебе решать. Есть и другой вариант.

– Вариант?

– Можно умыкнуть жену Корозова и посадить на иглу, а потом вернуть. Останется живая, но кому она будет нужна такая? Как думаешь, что он испытает: радость или ужас? До конца жизни это станет преследовать его. А чего тянуть с этим? Завтра и организовать похищение.

Смотря на Кагоскина, Дусев думал, что тот не только хороший врач, но и хороший психолог. Такой вариант принять вполне можно. Палить из пистолетов ума большого не надо. А вот копнуть так, чтобы Корозову вся оставшаяся жизнь показалась адом, куда разумнее. Не дурак Кагоскин, умишком располагает. Дусеву нравилось это. Он любил, когда в разборках участвовал интеллект. Это придавало особый привкус любому событию. Довольный найденным решением, Папа проговорил:

– Помоги лечь!

Привстав со стула, врач помог ему. Укладываясь, Папа внезапно спросил:

– Как думаешь: кто все-таки угнал авто Корозова и стрелял в меня?

Опешив на мгновение от вопроса, Кагоскин быстро оправился и отозвался своим вопросом, снова поразив Дусева:

– Прости, Папа, я как-то никого не вижу. Хотя... тебе опять это не понравится, но вдруг это Александра устроила? – Потом точно испугался крамольной мысли, торопливо поправил себя: – Это не мое дело, Папа! Ты спросил – я сказал. Но это не мое дело.

– Ты что мелешь? – Дусев даже привстал на локоть, потемнев лицом. – Мозги растерял, что ли? Я быстро вправлю их тебе!

– Я просто не представляю, кто это может быть, – оправдываясь, обмер на стуле врач.

– Так и говори! – грубо осек Папа. – А не городи чушь!

– Прости, Папа, вырвалось.

Положив голову на подушку, Дусев умолк, задумался. Лекарь, конечно, перегнул палку с Александрой. Само собой, она изменила ему с фармазонщиком; впрочем, в этом надо еще разобраться, что на самом деле было, но в измышления лекаря поверить Папа не мог. Не хотел. Девушка глубоко засела в его сердце. Лекарь, естественно, знал об этом, потому не имел права совать свой нос в столь тонкие дела.

5

Ольга, жена Глеба, закончила уроки в музыкальной школе, где преподавала по классу фортепиано. Отпустила последнего ученика, собрала нотные тетради, положила в стопку на столе. Перед зеркалом поправила прическу, вишневую легкую блузку, ремешок на поясе юбки. Закрыла класс и вышла на улицу.

Машина уже ждала. Водитель – сутуловатый, похожий на медвежонка, в летней светлой куртке, – зная, когда у нее заканчиваются уроки, подъехал раньше. Ольга села на заднее сиденье, и водитель вырулил на середину дороги. Немного проехав, глянув в зеркало заднего вида, настороженно сказал:

– С утра за мной мотается белый «Жигуль». Надо Исаю сказать.

Оглянувшись, Ольга мельком посмотрела через заднее стекло, скользнула красивыми, с дымчатым оттенком глазами по автомобилям, но в потоке машин ничего не увидела, спросила мягко:

– Может, тебе показалось?

– Да нет, не показалось, – ответил водитель, покосился на приборную панель. – Заедем на заправку.

Автомобиль свернул на АЗС. Остановившись у колонки, водитель вышел, сказал заправщику, каким бензином заправлять, и заметил «Жигули», застопорившиеся на въезде. Направился в кассу. Вошел в двери магазинчика и далее не видел, как из «Жигулей» выскочили двое парней в джинсах и черных рубашках, как два брата-близнеца, и авто уехало.

Двое прошли следом за сутуловатым парнем внутрь магазинчика. Покрутились у стеллажей с товарами, делая вид, что рассматривают их, но краем глаз наблюдая за водителем. Когда тот расплатился и пошел к выходу, они двинулись за ним.

Не увидев на АЗС «Жигулей», водитель повеселел, выхватил из кармана ключи от машины. И в этот миг сзади получил сильный удар по голове, стал падать. У него из руки выдернули ключи. Ольга не успела опомниться, как двое заскочили в салон, один – за руль, второй на заднее сиденье – рядом с нею. Машина сорвалась с места. Заправщик, не успев закрыть крышку бака, что-то закричал вдогонку.

Рядом с Ольгой был черноволосый парень с бородкой клинышком, как у козла. Женщина рванулась к двери, но он проворно и жестко обхватил ее, сдавил плечи и предупредил:

– Не советую копошиться, глупая!

Не растерявшись, Ольга ударила его локтем и вцепилась в пегие волосы водителю, сильно притянув его голову к подголовнику, вырывая волосы с корнем, закричала:

– Останови машину!

Водитель – длинноволосый, с большой открытой челюстью – заскулил от боли, крича своему подельнику:

– Убери ее грабли! – Его голова запрокинулась назад, трудно было вести машину.

– Отцепись, глупая! – Подельник саданул Ольгу кулаком по ребрам.

Не обращая внимания на боль, Ольга вонзила ногти ему в лицо. Он взвыл так же, как скулил парень за рулем. А Ольга царапала и визжала, разъяренная. Парень с козлиной бородкой не ожидал столь напористого и яростного сопротивления. Начинал защищаться вместо того, чтобы скрутить ее. Борьба на заднем сиденье приобретала упорное противоборство. Казалось, уже давно Ольга должна была бы, как женщина, ослабнуть и покориться обстоятельствам. Но этого не происходило. Она вулканически извергала из себя энергию.

Неоднократно Ольга бывала в подобных обстоятельствах и, как отче наш, знала, что сдаваться женщина не должна, что сопротивляться нужно до последнего.

Схватив наконец Ольгу за руки, черноволосый парень с бородкой, как у козла, попытался сбить ее буйство. Но она стала кусаться. Он завопил, когда ее зубы впились ему в предплечье. Отпустил ее руку и стал жестоко бить в живот:

– Тварь тупая! – хрипел зло.

Задохнувшись от ударов, Ольга осела, продолжая слабо цепляться пальцами за его рубаху.

С водительского сиденья оглянулся длинноволосый, в злом оскале показывая всю челюсть:

– Ну, упаковал дьяволицу? Что у тебя с рожей?

Чувствуя жжение на коже лица, напарник коснулся его ладонью, на ней была кровь. Он еще раз с негодованием ударил обессиленное тело Ольги, ответил:

– Упаковал тупую!

Трудно дыша, Ольга медленно возвращала сознание. Зная о последних событиях, происходивших с Глебом, она догадалась, что ее теперешнее похищение связано с этими обстоятельствами.

Опасаясь такого развития событий, Глеб предупреждал, чтобы она была осмотрительнее. Но не верил в подобное до конца – все-таки надеялся, что Дусев не пойдет на открытый выпад, не станет наводить на себя полицию. Папа был достаточно осторожен и умен, чтобы переть напролом. Глеб не учел одного – что кроме осторожности и ума Папа обладал еще способностью рисковать. Вдобавок Дусев был мастером изворотов. Находясь в центре многих событий в городе, он умел перекрыть к этим центрам все подходы, умел вовремя обрывать концы.

Машина свернула в переулок. В глубине на обочине дороги стояли «Жигули». Оправившись, Ольга тихо ждала, что будет дальше. Парень с козлиной бородкой рядом ругался, не подбирая слов.

Подъехав к «Жигулям», водитель остановил авто. Выскочил на дорогу, открыл пассажирскую дверь. Ольга полулежала с закрытыми глазами. Длинноволосый пригнулся. Сунулся головой в салон:

– Не очухалась, дьяволица? – Тряханул женщину за плечи.

И в эту секунду она изогнулась, выбросила руку вперед и схватила бандита между ног. Сжала все в кулаке.

Завопив, тот выпучил глаза. Ольга толкнула его из салона и сама выпрыгнула на дорогу. Длинноволосый скорчился, подвывая по-собачьи. Женщина побежала.

Вылетев пулей на другую сторону машины, подельник с козлиной бородкой пустился вдогонку. Догнал, вцепился пятерней в нее, остановил. Рывком развернул к себе, сильно ударил кулаком по голове. У Ольги в глазах поплыли радужные круги, она потеряла сознание. Бросив ее себе на плечо, понес к «Жигулям». Проходя мимо корчившегося напарника, зло сказал:

– Кончай хрюкать! Потопали!

– Я ее, дьяволицу, изувечу! – Бормоча дрожащими губами, он, приседая и корчась, поплелся следом.

Машину Ольги бросили.

Запихнув женщину на заднее сиденье «Жигулей», парни с двух сторон влезли туда же.

Очнулась Ольга, плотно зажатая крепкими телами парней. Перед глазами все плыло, медленно приобретая свои очертания. В машине было душно. От взмокших парней несло потом. Но стекла в авто закрыты. Тот, что с козлиной бородкой, сразу предупредил:

– Колыхнешься – изувечу!

До сих пор чувствуя боль между ног, длинноволосый сыпал в ухо ей скабрезные угрозы. За рулем сидел незнакомый молчаливый парень, он ни разу не оглянулся, и Ольга видела

только его неровный затылок с круглыми завитками волос на нем. Она попыталась присмотреться, куда ее везут. Но ей заломили руки за спину, надели наручники и завязали глаза.

Когда «Жигули» остановились у подъезда старого двухэтажного дома с осыпающейся штукатуркой на стенах, старыми деревянными дверями, длинноволосый вылез, осмотрелся. Двор небольшой, неухоженный. Вокруг – никого. Небольшая цветочная клумба напротив подъезда заросла травой. Парень повернулся к открытой двери авто, буркнул:

– Давай. Все тихо.

Быстро высадив Ольгу из машины, ее под руки провели в подъезд дома. Здесь сняли с глаз повязку. Парень с козлиной бородкой сказал:

– Топай сама! Прямо. Вякнешь – башку снесу!

Лестничные марши были деревянными, ступени под ногами, истертые посередине подошвами обуви, поскрипывали. Массивные деревянные перила чуть пошатывались, когда на них опирались.

Вошли в квартиру на первом этаже. Ольгу толкнули в спину, направляя из прихожей, где в одном углу торчала вешалка для одежды, а в другом – тумбочка, в комнату. Здесь в нос ударил терпкий запах, который обычно скапливается в непроветриваемых помещениях. Глаза Ольги невольно пробежали по закрытой форточке окна. И только потом – по всему остальному.

Комната была полупустая: кровать, стол, два стула. На стене – маленькое зеркало. На кровать небрежно наброшено старенькое зашарпанное покрывало. Подушка плоская, как камбала. Стол шаткий, весь истыкан ножом. Стулья разошлись, расшатанные, неустойчивые.

Осмотревшись и остановившись посередине комнаты, Ольга взглядом уперлась в зеркало и не узнала свое отражение. Лицо с кровоподтеками, волосы растрепаны. Следом в дверях возник длинноволосый. Боль между ног у него прошла, осталась только злость и ярость в душе. Он молчком остановился в проеме. Второй, с козлиной бородкой, протопал в кухню. И Ольга услышала, как из нее раздался незнакомый приглушенный голос. Он спросил:

– Кто тебе так морду разукрасил? Она, что ли? Хорошее дело. Довезли нормально?

– Бешеная овчарка! – пропыхтел в ответ черноволосый.

– Ничего, пластырем заклеишь! – сказал незнакомый голос и приказал: – Готовьте ее!

В комнату, отодвинув с дороги длинноволосого, вошел парень с бородкой, снял с Ольги наручники, показал на кровать:

– Ложись!

Отступив к стене, Ольга настороженно приготовилась защищаться. Ничего не говорила, смекнув, что никакие слова сейчас не помогут. Ее просто не услышат, потому что слушать ее никто не собирался.

– Не бойсь, – хмыкнул парень, сообразив, чего она испугалась. – Твоя попка нам не нужна! Хотя там есть чего помазать.

– Прикоснетесь – глаза выковырну! – вырвалось у нее из груди.

Подойдя к ней ближе, парень резко ударил по лицу. Она прижалась к стене, едва удержавшись на ногах. Вскрикнула и вдруг, оттолкнувшись от стены, вцепилась парню в глотку.

Засипев, тот стал отрывать ее руки. Подскочил длинноволосый и оглоушил женщину. Ольга обмякла, разжав руки, скользнула по парню на колени. Тот ладонью потер себе шею, зло оторвал женщину от пола и бросил на кровать. Завязал ей глаза. Ольга закрутила головой, потянулась к повязке, чтобы сорвать ее, но оба парня надели на нее, зажав руки и ноги. Тот, что с бородкой, громко произнес:

– Она приготовлена! – И позвал: – Заходи!

И тут она сообразила, зачем ей завязали глаза. Чтобы не видела того, кто был в кухне и вошел в комнату на зов поделщика. Почувствовала запах лекарства.

Высоко вскидывая голову, вытягивая вперед острый подбородок, в комнате появился Кагоскин в белом халате и со шприцом в руке, в котором был наркотик. Остановился перед кроватью, по-деловому сказал:

– Руку. Мне нужна ее рука.

Длинноволосый вытянул ее руку вдоль туловища, зажал выше локтя. Ольга поняла, что ей приготовили укол. И, напряжинувшись, стала биться, сопротивляясь. Вырваться из рук двух крепких парней было невозможно, но женщина сопротивлялась как могла. Закричала во весь голос. Этот крик расколол тишину комнаты, заставив парней вздрогнуть.

Отодвинувшись от кровати, Кагоскин нервно расширил близко посаженные глаза, раздраженно поспешно распорядился:

– Заткните ей рот!

Ладонь длинноволосого, отпустив Ольгину руку, зажала ей рот. Крик женщины захлебнулся. Она согнула руку в локте, намереваясь сорвать с глаз повязку. Но Кагоскин угрожающе предупредил:

– Не трепыхайся, одержимая! Сорвешь повязку – придется тебя убить! Лежи смирно! Ничего страшного не будет! Сделаю укол, и ты уснешь!

Мыча сквозь пахнущую табаком ладонь парня, Ольга хотела крикнуть, что не хочет спать, не хочет укола и не хочет, чтобы они прикасались к ней, но ничего не могла произнести. Парень перехватил ее руку, которой она потянулась к повязке, и вновь вернул ее вдоль туловища.

– Упрямая бабешка! – крикнул врач, жгутом перетягивая ей руку. – Не колотись! Все это бесполезно. У нас не детский сад; поцарапалась немного, а теперь займемся делом. Не волнуйся, мы вернем тебя Корозову, только немного позже, когда придет время. Он еще полюбуется тобой. Слышали, он тебя любит. Вот и хорошо.

Новая попытка Ольги вырваться ни к чему не привела.

Найдя у нее на изгибе руки вену, Кагоскин ввел иглу и наркотик. Длинноволосый спросил:

– Ну что, отпускать?

– Идиот! – вспыхнул врач. – Куда спешишь? Я еще не ушел. Пусть отключится сначала!

Эти слова в сознании Ольги поплыли, постепенно теряясь где-то. Наркотик начинал действовать.

Вернувшись в кухню, Кагоскин бросил в пустое пластмассовое мусорное ведро шприц. Неторопливо сложил весь инструмент, что лежал на подложке на столе, в потертый черный портфель. Сбросил с плеч белый халат, аккуратно свернул его и сунул туда же. Защелкнул портфель. После чего тщательно помыл руки, достал из кармана зеленого пиджака носовой платок и вытер их. Затем поправил ворот рубахи и чубчик, который торчал, как гребешок у петуха в курятнике. И, превратившись в добропорядочного гражданина, взял портфель и осмотрелся. Ничего не забыл? Кажется, нет. По стареньким шкафчикам не лазил, старенький стол чист, раковина пуста, в старенький холодильник также не заглядывал, на стульях – тоже пусто. Крепче сжал ручку портфеля, направился к входной двери. По пути приостановился у комнатного проема, сказал:

– Я пошел. Закройте дверь и сидите тихо. Я приеду опять, когда она придет в себя. Сделаю ей серию уколов. И не забывайте про повязку на глазах. Да, и еще. Не вздумайте упражняться с нею, пока она под наркотиком! Папа вам головы поотрывает за это. Слышали?

– Не глухие, – вяло отозвался парень с козлиной бородкой.

У входной двери врач прислушался. За дверью никаких шумов. Он вышел из квартиры и, стараясь не скрипеть ступенями, быстро-быстро пошел из подъезда.

Наркотик сделал свое дело. Ольга была обездвижена. Лежала на кровати совершенно беззащитная.

Глянув на напарника жадно горящими глазами, длинноволосый задрал ей подол юбки выше трусиков, ухмыльнулся:

– Ух ты! Цимус! – Провел шершавой ладонью по ее ногам.

– Не суйся, фраер! – предупредил подельник. – Башку потерять хочешь?!

– А кто узнает? – вновь ухмыльнулся длинноволосый, трогая ее грудь. – Ты же не выдашь?

– За тебя рисковать своей шкурой? – спросил напарник. – Нет, поищи тупого на стороне!

Козел! Обойдешься! Наслаждайся мыслью.

– С тобой каши не сварить, – кисло сощурился длинноволосый.

– Я не люблю кашу, – отозвался подельник.

С сожалением бросив подол юбки, длинноволосый отошел к столу, сел на скрипучий стул.

Прислонившись спиной к дверному косяку, подельник опустил на пол, вытянул вперед ноги и прикрыл глаза, затылком прижимаясь к стене.

– В картишки, что ли? – спустя минуты три-четыре просипел длинноволосый.

– Раскладывай, – оторвал голову от стены подельник.

Потянулись часы. Двое лениво перекидывались в карты. Ольга ничего не чувствовала, не видела и не знала, что с нею происходит.

6

Как только водитель Ольги пришел в себя, он тут же сообщил о нападении Корозову.

Немедля Глеб понесся на АЗС вместе с Исаем. От заправщика толком ничего услышать не удалось. Все произошло так быстро, что лиц тот не рассмотрел. Других свидетелей не было. Правда, водитель Ольги сказал, что ему помог подняться с асфальта какой-то мужчина, но сразу уехал, а водитель, находясь как в тумане, номер его машины не видел. Заправщик тоже пожал плечами. Еще водитель вспомнил, что с утра за ними прицепились белые «Жигули», неотступно мотались до конца. Назвал номер.

Глеб сразу сообщил об угоне авто в ГИБДД, а Акламину – о похищении Ольги. Он не находил себе места. Упорно звонил на телефон жены, но тот не отвечал. Глеб не знал, что телефон Ольги в это время лежал в брошенной похитителями машине жены и его звонки шли в пустоту.

Начались поиски. Три часа колесили по улицам города. Напряжение рвало нервы. Каждый прошедший час все дальше отодвигал возможность выйти на след преступников.

Но ближе к концу дня, когда стало вечереть, работники ГИБДД все-таки наткнулись в переулке на автомобиль Ольги, сообщили Глебу и Аристарху. Оперá и Корозов с Исаем подъехали. Оперативники осмотрели авто, сняли отпечатки пальцев и только потом передали машину Исаю, потому что Глеб, не дожидаясь окончания всех процедур, отбыл к Акламину.

Что касается «Жигулей», на них были номера другого региона. По базе выяснили, кто владелец, но быстро выйти на него не удалось.

Находясь в возбужденном состоянии, Глеб твердой походкой ходил из угла в угол по кабинету Аристарха. Взволнованно расстегивал и застегивал пуговицы черного пиджака. Овальное, чуть удлинненное лицо было багровым от взволнованности:

– Я знаю, что это сделал Дусев! – говорил он уверенным упругим голосом, а по щеке то и дело пробегала морщина. – Я не сомневаюсь в этом! Его надо брать, Аристарх! Сколько ты с ним валандаться будешь?! Ты отпустил Лешего. Я не удивлюсь, если Ольгу похитил Леший по указанию Дусева. Что прикажешь теперь делать? – Он сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил носовой платок, промокнул потный лоб и вернул платок на место.

Стоявший все это время возле своего стола Акламин сел в рабочее кресло:

– Сначала успокойся, – сказал в ответ. – Я понимаю твою тревогу. Но на нервах положительных результатов не получишь.

– Тебе легко говорить, – сдерживая себя, выдохнул Глеб. Он не мог стоять на месте. Как только останавливался, так у него возникал нервный выброс. И он снова начинал топтаться из стороны в сторону. – Как я могу успокоиться, когда похитили мою жену? Я всегда не нахожу себе места, когда с нею что-нибудь случается! И всегда это происходит из-за меня. Я виноват, понимаешь, я! Кругом виноват только я!

– Мои люди уже работают, – наклонив голову, серьезно сказал Акламин. – Обещаю тебе: найдем Ольгу! И о Лешем не беспокойся – он у меня под плотным наблюдением. Я знаю каждый его шаг. Кстати, как и Дусева. Папа – непростая загадка. Авторитетами дураки не становятся. Здесь надо тщательно соизмерять свои шаги. Любой наш промах Дусев сумеет обернуть себе на пользу. Поэтому не горячись. Если Дусев замешан в этих делах, он не уйдет от наказания. Я выведу его на чистую воду!

Действительно, оперативники Аристарха установили наблюдение за домом Папы, Дусев никуда не выезжал из него. Только изредка Леший, который снова сидел за рулем его авто, катался в магазины за продуктами. Все как будто было мирно и ладно, проживание незаметное, как в болоте. Но Акламин разумел, что именно в таком болоте могут водиться черти.

Посетителей к нему не было. Лишь трижды Леший привозил девушку из «Млечного Пути». Кто-то из оперов предположил, что это новая любовница Дусева. На этом и остановились. Разумеется, Леший заметил за собой «хвост» и доложил Папе. Тот, скрестив руки на груди и прохаживаясь по веранде, мрачно усмехнулся:

– Это не за тобой секут. Меня отслеживают. И пускай. Передай братве по цепочке, чтобы ко мне пока никто не приезжал. Врача тоже не привози. Нечего ему тут светиться. Только девчонку из ресторана – она хорошо делает уколы и перевязывает. Свой язык по ее поводу прищепи и вдолби ей, чтобы она свой язычок тоже держала на замке. Иначе я вырву его!

Итак, между Папой и Акламиным началась игра на выдержку и сильные нервы.

За последние дни операм не удалось ближе подобраться к Папе. Все, что они собрали по событиям, происходившим вокруг Корозова, не очень помогало разобраться в обстоятельствах дела, мало для раскрытия преступления. Или смерть участников событий обрывала все концы, или эти концы приходилось искать в запутанном клубке. И все пока никак не выводило напрямую на Папу.

После похищения Ольги Аристарх решил резко поменять тактику. На следующий день его опера в городе возле магазина задержали Лешего. Тот, нагруженный пакетами с продуктами, начал брыкаться:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.